

**Анна
Богданова**

**Самый
бешеный
роман**

ИЛДВРСТИ
страсти-морд

Анна Владимировна Богданова

Самый бешеный роман

Серия «Модно любить можно»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138180

Богданова А. Самый бешеный роман: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-13294-5

Аннотация

Что труднее – выйти замуж в тридцать один год или получить Нобелевскую премию? Для сочинительницы любовных романов Мани Коротниковой это было одинаково невыполнимо. Вернее, так считала ее мама. А Маня... просто писала книжки и дорожила своей свободой. До тех пор, пока в коридоре издательства не увидела его – известного на всю страну детективщика Алексея Кронского! И понеслось... Роман разгорелся с такой силой, что искры летели во все стороны! Но... любовь писателя оказалась короткой – и в канун Нового года Маня обнаружила своего избранника в объятиях пьяной блондинки. Что теперь делать? Отсиживаться в деревне – в обществе мамы и двадцати ее кошек? Или... ответить на ухаживания Власа – бизнесмена, а потому весьма перспективного жениха?..

Содержание

Анна Богданова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Анна Богданова

Самый бешеный роман

Автор спешит предупредить многоуважаемого читателя, что герои и события романа, конечно же, вымышленные.

Еще издалека завидев книжный магазин, я не могла пройти мимо, не посмотрев на свои детища. Поскольку реальных детей у меня пока нет, я при каждом возможном случае люблюсь на созданные мной литературные произведения.

Влетев в книжный подобно урагану, я проскочила отделы религии и философии, медицины, русской классики – все это ничуть меня не интересует.

Народу было полно, и я, расталкивая буквоежек плечами, бедрами и руками, наступая им на ноги, стремилась добраться до вожаемой полки с любовными романами. Наконец я у цели: тепло разлилось по всему телу, голова закружилась от ряда книг в ярких глянцевых обложках, на каждой из которых (если вывернуть шею) можно прочесть фамилию автора – Мария Корытникова. «Это я – Мария Корытникова! Я!» – пульсировало у меня в голове. Глядя на свои шедевры, я вдруг сама себе напомнила ту лягушку-путешественницу, которая странствовала вместе с перелетными птицами, держась ртом за прутик. И как в один не слишком прекрасный

день ее расперло от гордости и она закричала во всю глотку: «Это я! Я придумала так путешествовать!» В итоге бедняжка, как известно, полетела вниз.

Нет, что ни говори, а приятно смотреть на собственные творения. Неужели я столько написала? «Я-я-я-я!» – немедленно отозвалось в моей душе. Именно в эту секунду кто-то коснулся моего локтя. Я обернулась – передо мной стояла совершенно незнакомая женщина: полная, лет сорока, в коротеньком терракотовом плаще и темно-зеленой юбке.

– Девушка, я смотрю, вы не знаете, что выбрать? – участливо спросила она, а взгляд ее маленьких черных глазок, казалось, уже успел проникнуть в мою голову и узнать обо всех глупых и заносчивых мыслях.

– Да. То есть нет, – опешила я, но тут же подумала: «Какое ей, собственно, дело до моего выбора». – А вы что, тут работаете консультантом? – съязвила я.

– О, нет, что вы! Я просто живу неподалеку и часто заглядываю в этот книжный – мне нравится, что тут можно ходить, выбирать... Знаете ли, на прошлой неделе купила замечательную книгу, и если вы не читали, очень советую вам ее приобрести.

– Что за книга? – живо спросила я в надежде, что дама в терракотовом плаще непременно скажет сейчас, что года три назад в России появилась одна очень талантливая писательница, что романы ее переполнены истинными страстями, глубоким психологизмом характеров героев и что фами-

лия этой самой писательницы – Корытникова.

– Книга называется «Дневник Бриджит Джонс», а написала ее Хелен Филдинг, кажется, перевод с английского. Ну да, конечно же с английского, там все события происходят в Лондоне.

И тут я ощутила такое неприятное чувство, которое, наверное, испытывает каждая мать, когда посторонние намекают ей на то, что ее ребенок вовсе уж не такой умный и красивый, каким она его считает, что есть, мол, дети поумнее и покрасивее.

Да что ж это такое, в конце концов! Народ просто помешался на этой чокнутой Бриджит Джонс! Все только и делают, что говорят об этой полоумной девице! Повсюду слышишь: «А вы читали «Дневник Бриджит Джонс»?», «Вы слышали, по этой книге уже сняли фильм! Нужно непременно посмотреть!», «Филдинг пишет продолжение своей «Бриджит»! «Она возвращается!», «Сняли и продолжение!».

Вот радость-то привалила! Я была возмущена до крайности и решила не держать в себе накопившиеся эмоции по этому поводу:

– Вы бы лучше, женщина, почитали русских классиков – Тургенева, Толстого, Достоевского. Думаю, это принесет больше пользы вашей душе и не даст мозгам окончательно засохнуть!

– Вот наглость-то! – возмутилась толстуха. – Ей советуешь, а она еще и хамит!

– С Достоевским, девушка, это вы загнули! – крикнула девчонка лет пятнадцати в джинсах и лиловом свитере.

– Да и вообще надоело это старье читать! – вмешалась в разговор девица с модной стрижкой и в куртке из тончайшей лайки.

– Между прочим, девушка совершенно права. Беда современной России в том, что молодежь не читает классику, – поддержал меня старичок, который, словно гриб после дождя, вырос возле полок с любовными романами.

И тут я заметила, что вокруг столпилось довольно много народа – они окружили меня плотным кольцом и, видимо, готовы были продолжать дискуссию. Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг вскочила на небольшую лестницу, сразу оказавшись на голову выше желающих поспорить, и выкрикнула:

– У вас отсутствует чувство патриотизма! Вы все – жертвы современной зарубежной литературы и этой, как ее... Филдинг, которой совершенно чужды проблемы русских женщин! И если вы не желаете читать русскую классику, если она вам надоела, читайте современных российских авторов! – Я так увлеклась агитацией, что не заметила, как перешла на крик. А народу вокруг скапливалось все больше и больше.

– Кого вы имеете в виду? – спросила девица с модной стрижкой.

– Да! Позвольте любопытствовать, кого бы вы нам по-

рекомендовали? – желчно спросила толстуха в терракотовом плаще.

– Вот! Прекрасные романы современной российской писательницы Марии Корытниковой, наполненные истинными страстями, глубоким психологизмом героев и их поступков. – Я потянулась за своим творением... Полка оказалась слишком далеко, мне с трудом удалось ухватить один из романов, и тут книги с грохотом полетели на пол.

– Девушка, вы что хулиганите-то?! – послышалось из глубины зала. Ко мне направлялся охранник с продавщицей.

Я моментально спрыгнула с лестницы и бочком, бочком, по стеночке стала пробираться к выходу.

– Куда же вы? – спросила толстуха в плаще.

– Я вспомнила, что забыла выключить утюг! Пустите меня!

– Идите и поставьте на место книги, которые вы уронили. – Она явно мстила мне за «ссохшиеся мозги».

– Отстаньте! У меня квартира из-за вас сгорит! – возмутилась я и сделала вид, что хочу проскочить с левой стороны – там, где стоял охранник. Тетка тут же метнулась влево и, неожиданно завалившись на стража порядка, вдавила бедолагу в стенку, а я благополучно вылетела из книжного.

* * *

Больше всего на свете я ненавижу засыпать и просыпаться.

ся. Сон для меня, как огромный лабиринт с миллионами замурованных входов и выходов и всего с двумя нужными. Так что до рассвета я не могу попасть внутрь, постоянно натываясь лбом на бетонные стены, а поздним утром также мучительно ищу выход из фантазмагорических сновидений.

Вот и сегодня я никак не могу очухаться: пью уже пятую чашку кофе, полпачки сигарет выкурено, но не написано ни строчки.

Но нет, нет, все по порядку!

Выхожу из лабиринта с набитыми в сознании шишками от «натывания» на бетонные стены, продираю сначала один глаз, потом другой, и сквозь сонную пелену передо мной вырисовывается плакат, который, по идее, должен побуждать к подвигу: «Дорогая, просыпайся, тебя ждут великие дела!» Лениво потягиваюсь и снова зарываюсь в подушку. Лежу минут пять. Совесть грызет нещадно. Вскакиваю с кровати. Холодно. Опять кидаюсь под одеяло. Мягко и уютно, как в утробе матери. Выходить совсем не хочется: чего-то делать, суетиться... Как будто я каждое утро в муках рождаюсь заново, а по вечерам в мучениях умираю, словно великая грешница, душа которой отягощена страшными злодеяниями.

Где-то слышала, что комар живет всего один день. Наверное, для него утро – это детство, полдень – юность, вечер – старость. Определенно комары влюбляются в обед, а плодятся ближе к полднику. Решено, следующая моя книга будет называться «Комары умирают ночью», или нет, «Любовь

в полдень», а лучше ... Подумаю об этом, когда закончу нынешний роман.

Снова вылезаю из-под одеяла и смотрю на плакат, осторожно опускаю одну ногу на пол и долго на ощупь отыскиваю шлепанец. Наверное, закинула вчера под кровать. Опять убираю ногу под одеяло. Обломовщина! Обломовщица! Обломщица!

Конечно, обломщица и динамистка. Лежу и с удовольствием, даже каким-то болезненным наслаждением вспоминаю вчерашний вечер.

Но нет, нет, нет! Все по порядку!

Меня почему-то непременно хотят выдать замуж за *порядочного* человека: и мама, и мамин подружки, и мамин муж, и бабушка, и даже ее подружки-старушки подыскивают мне женихов – своих сыновей, внуков, племянников, внучатых племянников, уверяя, что все они очень достойные молодые люди, с целым набором самых лучших качеств и добродетелей, совсем без недостатков. Мне говорят, что я уже далеко не девочка, а после тридцати выйти замуж – это почти так же сложно для меня, как получить Нобелевскую премию по литературе. Все они в один голос и в два моих бедных уха твердят, что если я буду оттягивать замужество, то перспектива родить ребенка на старости лет и быть ему не то мамой, не то бабушкой для меня вполне реальна. Окружающие снова и снова дают мне понять, что я совершенно ненормальный человек. Во-первых, потому что в моем паспорте уже нет места

для штампа об очередном бракосочетании, во-вторых, потому что я не хочу сейчас рожать детей, и в-третьих, мне намекают, что разговаривать на столь важную тему я могла бы и повежливее!

Надоели! Надоели все!

Меня так извел мой последний брак, что вот уже два года я наслаждаюсь полной свободой действий и решений. После развода я даже как-то поумнела, наверное, оттого, что мне не доказывают каждый день, что женщина – это не человек, а существо, промежуточное между человеком и домашним животным. Есть, например, женщины-стервы. Они напоминают кошек – ласковые с виду, но время от времени показывают свои коготки. Есть женщины, похожие на коров, – с ними тепло, спокойно, они большие и заторможенные. Есть и бабы-коршуны, которые, если что не так, глаза выцарапают и пустят бедного супруга по миру. Такие обычно – худые и злющие. Есть – павлины, вернее павлинихи, невероятно красивые, но глупые. Я же все три года своего последнего брака была каким-то дикобразом, или нет, скорее, неизвестным до сих пор в зоологии подвидам, этакой смесью из всех вышеперечисленных животных: когда бежала из магазина с сумками наперевес, напоминала гончую собаку; когда стирала кучу белья, по уши утопая в пузырьках от порошка, очень уж была похожа на загнанную лошадь в предсмертном состоянии с пеной у рта; когда пылесосила – изможденную клячу, которая пасется в пустыне, отыскивая зеленую травку сре-

ди колючек; к вечеру, тупо уставившись в телевизор, – сомнамбулу; ночью, во время любовных утех... В эти моменты Толик никогда ни с кем меня не сравнивал, потому что был скуп на комплименты, а может, потому, что в такие минуты я чем-то отдаленно напоминала ему человека, или потому, что он всегда закрывал глаза?..

Не хочу ни с кем знакомиться! Надоели все!

И вообще, если быть до конца честной, то вот уж два месяца как я влюблена и совершенно не знаю, что мне с этой любовью делать, – ведь тот, в кого я влюблена, даже не ведаёт об этом...

Впервые я увидела его этим летом, когда ездила в редакцию получать гонорар за предыдущую книгу. Если бы на моем месте была моя бабушка, она ни за что не влюбилась бы в мужчину в белом костюме. Напротив, она скорее всего шарахнулась бы от такого в сторону и подумала, что у него не все в порядке с головой.

Бабушка не раз повторяла историю от том, как за год до начала Великой Отечественной войны ждала на перроне своего жениха и вдруг, увидев вдалеке человека в белом костюме и приняв его за будущего мужа, спряталась за вокзальную кассу, решив ни за что не выходить за него замуж. Мужчина в белом костюме не может быть ее мужем! Белый костюм – это чересчур, это слишком амбициозно и напыщенно. Однако, к ее великой радости, человек в белом костюме прошел мимо, а минуту спустя ее окликнул мой дедушка – «строй-

ный, высокий, симпатичный», и главное, в темно-вишневой тройке, что мгновенно успокоило бабушку, и она вышла за него замуж.

Хорошо ли, плохо ли, но я уродилась явно не в нее, и когда увидела в издательстве мужчину моей мечты, у меня закружилась голова и я чуть было не рухнула от чувств. Вот он – герой моего будущего романа! Вот типаж, которого днем с огнем не сыщешь! Высокий, стройный, он отмеривал коридор издательства уверенным шагом, белый костюм сидел на нем безупречно. Несомненно, он умел носить подобные вещи с достоинством и без комплексов – казалось, этот человек был рожден для роскоши. Зачесанные назад вьющиеся светло-русые волосы, брови с изгибом, почти черные, соболиные, нос чуть похожий на клюв хищной птицы – обожаю такие носы! От него чуть веяло дорогим парфюмом, а когда мы с ним поравнялись, герой моего романа бросил на меня любопытный взгляд и проговорил хрипловатым голосом:

– У-у, какие музы сюда заглядывают!

Обожаю такие голоса! Я совершенно растерялась – не нашлась, что ему ответить, и прошла мимо, как мне тогда показалось, гордо подняв голову. Но до сих пор не могу себе этого простить! Надо было ему что-нибудь ответить – что-то умное и загадочное. Я влетела в кабинет и спросила у своего редактора:

– Любочка! Кто это там по коридору сейчас прошел?

– Да мало ли кто у нас по коридорам шастает! – возмути-

лась она.

– Ну как же! Такой потрясающий мужик в белом костюме!

– Ты как из деревни приехала! Это ж Кронский! Мы с ним сейчас подписали договор на его новую книгу.

– Сам Алексей Кронский?! – воскликнула я и тут же сама себе стала противна, потому что почувствовала, что в этот момент была похожа на малолетнюю фанатку, которая пару минут назад случайно столкнулась со своим кумиром. На самом деле об Алексее Павловиче Кронском я знала лишь то, что он был популярным сочинителем детективов, но ни одного его романа я не читала.

После роковой встречи с моим героем в коридоре редакции я скупила все его книги и целую неделю, не выходя из дома, читала их, смакуя каждое слово. Когда все книжки были прочитаны, я начала напряженно думать, как можно с ним познакомиться. Конечно, это совсем не в моих правилах – вешаться каждому встречному на шею, причем у него, наверное, целая куча любовниц и почитательниц, но мне было на них наплевать, потому что влюбилась я не на шутку и любовь эта была с первого взгляда.

Может, узнать у Любочки его телефон или электронный адрес и подключиться к Интернету? Нет, не стоит никуда подключаться – я в этом ничего не смыслю, слышала только не один раз, что хакеры через Интернет могут проникнуть в твой компьютер и... И они обязательно стащат все мои гениальные тексты! Нет, Интернет определенно отпадает. Оста-

ется попросить у Любы телефон. Но это уж совсем глупо. Нужно, по крайней мере, придумать какую-то правдоподобную историю, для чего вдруг мне понадобился телефон великого Кронского. Он пишет детективы, я – любовные романы. Какая между нами может быть связь? Я думала целую неделю, что может быть общего между детективом и мелодрамой, а еще через неделю снова увидела своего героя в редакции.

– Что это за неземная дева ходит по прозаическим коридорам?! – бросил он мне вслед своим опьяняющим, хрипловатым голосом. Я хотела было ответить, что эту деву зовут Мария Корытникова и что она приходит сюда по делу – тоже, мол, не лыком шита и тоже пишет романы, – но мой герой уже свернул к лифту.

В тот день я поняла – чтобы познакомиться, существует только один способ: как можно чаще попадаться ему на глаза. Этот путь, конечно, тернист и требует нечеловеческого терпения и удачи, но зато самый надежный. Чтобы он начал думать обо мне, нужно постоянно мелькать у него перед глазами. Тогда он обратит на меня внимание и в конце концов поймет, что именно я и есть его судьба. По крайней мере, таким способом Йоко Оно заарканила Джона Леннона, а пока мне ничего не оставалось делать, как встречаться с опостылевшими женихами.

Так вот, вчера вечером я должна была увидаться сразу с двумя сыновьями маминых подруг и внуком давней бабуш-

киной знакомой. У меня было полчаса свободного времени – с шести до полседьмого, и эти полчаса я решила потратить экономно и с пользой для дела – чтобы хоть недели на две от меня отвязались родственники и их друзья. Всем троим я назначила встречу с разницей в десять минут. С одним из них я должна была встретиться в центре зала на станции метро «Пушкинская», с другим – на «Тверской», а с третьим – на «Чеховской». Получалось по десять минут на каждого. Каждого жениха мне подробно описали, сама я знала только одного – внука хорошей бабушкиной знакомой.

Я немного опоздала и, узрев первого претендента на мою руку и сердце, решила, что с ним вообще не стоит терять времени – все его добродетели как-то сразу померкли, стало мне только увидеть этого «красавца»: лет 45, открытый лоб до затылка, козлиная жиденькая тускло-рыжая бородка, высокий, худой, в сером плаще под пояс, в очках, с черным «дипломатом» в руке. Ненавижу мужиков с «дипломатами», особенно в метро, в давке, когда они острыми углами своих «дипломатических» дефективных чемоданов пинают меня то по коленкам, то выше – в зависимости от роста. Этот определенно навяжется ко мне домой, откроет свой допотопный саквояж, и в лучшем случае там будут бутылка коньяка «Белый аист» и коробка ротфронтовских конфет. Я тут же представила, как он после первой рюмки начнет прерывисто дышать мне в ухо и щекотать шею своей жиденькой бородкой и наверняка от него дурно пахнет – каким-нибудь спе-

цифическим запахом пота или перхоти, а может, всего вместе. И тут же мне нарисовалось мое будущее: много-премного малышей в таких же очках и с жиденькими бороденками.

Время, отведенное на свидание, как-то незаметно пролетело, и я ринулась по ступенькам на «Тверскую». Честно говоря, последний раз я видела внука хорошей бабушкиной знакомой лет двадцать назад. Мы вместе отдыхали с ним после третьего класса на море. Никогда не забуду, как мы втроем – я, Власик и моя мама, – едва успев выгрузить из вагона тяжеленные сумки с консервами, поймали на лету его бабушку – Олимпиаду Ефремовну – грузную женщину с большими ногами. Остановка была всего три минуты, поезд уже тронулся, и его бабушка маханула через две ступеньки и скатилась на землю коlobком, забыв от страха про свои большие ноги. Потом мы долго шли по указанному адресу – очень долго, потому что моей бедной маме приходилось сначала перетаскивать метров на десять вперед неподъемные сумки с провизией, а потом и саму Олимпиаду Ефремовну. Так что к месту нашего временного обитания мы пришли только под вечер.

Помню, уже начало смеркаться, когда мама в совершенном бессилии в последний раз перетащила хорошую бабушкину знакомую и поставила ее рядом с сумками около небольшого одноэтажного домика на берегу зеленоватого моря.

Влас всю дорогу рассказывал какие-то скучные и неинте-

ресные истории, пытаюсь развлечь меня, но от этого он казался мне еще зануднее, чем, наверное, был на самом деле. Мне тогда хотелось только одного – зайти в этот чудесный домик, утопающий в цветущих кустах шиповника, натянуть купальник и залезть в воду.

Жили мы вчетвером в одной комнате целый месяц, и все это время Влас был для меня, что заноза в пальце, – он ревновал меня ко всем мальчишкам, которые пытались за мной ухаживать, закатывал истерики, говоря, что раз мы сюда приехали вместе, то я ни с кем, кроме него, не должна дружить. Обычно подобные разговоры заканчивались дракой – я уходила вся в синяках, он – в царапинах. Ближе к вечеру он подлизывался ко мне, чтобы погулять по пляжу и наловить светлячков. Когда на улице становилось совсем темно, мы брали по банке и запихивали туда странных насекомых со светящимися брюшками, но я старалась не отходить далеко, собирая жучков рядом с домом. Я ждала, когда мама пойдет на свидание. И стоило ей только выпорхнуть из домика в своем лучшем платье, стоило мне только уловить знакомый запах любимых маминых духов, как я тотчас бросала банку в траву и отправлялась за ней следить. Влас хвостом тащился за мной, приговаривая:

– И зачем ты только за ней ходишь везде? Лучше бы набрали полные банки светлячков, а ночью они бы светились вместо настольной лампы...

– Иди, собирай, – шептала я, но он неотступно следовал

за мной, боясь отстать.

– Ну вот ты мне объясни, зачем ты за ней ходишь? Бабушка говорит, что ты очень нехорошо делаешь, что следишь за мамой, – канючил он.

– Что еще говорит твоя бабушка?

– Говорит, что ты не даешь ей устраивать свою личную жизнь.

– Твоя бабушка недалёковидная женщина! Разве можно устроить личную жизнь на курорте?

– А почему нет? Ведь мы с тобой уже устроили!

– Чего-чего? – возмущалась я.

– Ничего. Мы с тобой обязательно поженимся, – уверенно говорил он, но я его больше не слушала, потому что была поглощена слезкой.

Я заявляла о себе в самые неподходящие минуты. Мама и ее очередной поклонник, успев от души повеселиться в местном прибрежном ресторанчике, приходили на пляж и усаживались в самом глухом, безлюдном месте. И как только ухажер придвигался к ней ближе, как только клал ей руку на плечо и привлекал к себе, я бесшумно вылезала из-под лавки и неожиданно для них смущенно покашливала:

– Кхе-кхе...

Кавалер сначала пугался, потом мама обрушивалась на меня с упреками, а ухажер в темноте с негодованием начал кричать:

– Ребенок у тебя какой-то ненормальный! Она что, слабо-

умная? Она не понимает, что так делать нельзя? И вообще, ей в это время нужно быть в постели!

– Не нужны мы ему, ма, – кротко и ничуть не смущаясь спекулировала я.

Тогда мать со злостью хватала меня за руку и отводила домой. За нами, словно тень, плелся Влас.

Мамаша укладывала меня в кровать, ложилась сама, делая вид, что тоже собирается спать, а когда минут двадцать спустя бесшумно вставала, я противным голосом говорила:

– Что-то не спится мне. Наверное, завтра будет шторм.

– Тьфу! – слышалось в темноте. Мама переодевалась, ложилась и уже по-настоящему засыпала. Я ликовала.

Лишь на пять вечеров, к великому счастью мамочки, я потеряла бдительность. Дело в том, что я познакомилась с двумя братьями – один был на два года младше меня, а другой – на год старше. Они приехали сюда откуда-то с Крайнего Севера на целых три месяца и рассказывали кучу интересных вещей, например про полярную ночь. Они каждое лето, оказывается, приезжают с родителями на юг отогреться. Мы несколько вечеров подряд разводили на берегу костер, жарили ячменные колоски и хлеб на палочках. Влас каждый раз молчал, с северянами не разговаривал и только мне на ухо шептал одно и то же:

– Пошли отсюда. Чего ты с ними болтаешь, они ведь двоичники и второгодники, это сразу видно.

Влас был отличником и презирал всех, у кого в четверти

была хоть одна тройка, но с этими второгодниками с Крайнего Севера мне почему-то было намного интереснее, чем с круглым отличником – таким правильным во всех отношениях и нудным.

– Ну, хочешь, пойдём за твоей мамой последим, – предлагал он – это был последний шанс увести меня от двоечников.

– Что-то сегодня не хочется. К тому же у мамы новый знакомый. Так что успеем ещё.

Мы сидели у костра, вели разговоры, хохотали, иногда приходили местные мальчишки, приносили картошку и бросали её в угли. Влас сидел совсем поникший, чувствуя, что ещё один вечер для него потерян – ни подраться, ни поговорить со мной он не сможет. И тут в этой полнейшей неразберихе с картошкой, ячменными колосками, подгоревшим хлебом, в шуме и гаме старший двоечник склонился над моим ухом и сказал довольно громко – так, что Влас услышал его слова:

– Маша, я тебя люблю. Давай поженимся.

А потом взял и поцеловал меня. Метил он в губы, но я в эту секунду повернулась, и поцелуй пришелся на щеку.

– Я подумаю, – ответила я и, посмотрев на побелевшую в темноте злобную физиономию Власа, захохотала.

– Думай быстрее, а то мы послезавтра уезжаем.

Это был вечер военных действий. Сначала Влас долго и нудно укорял меня за то, что я обманщица, потому что обещала ему первому выйти замуж, потом стиснул зубы и начал

дубасить меня кулаками куда придется. Я в ответ кусалась и царапалась. Все это происходило без единого слова, а наутро и Олимпиада Ефремовна, и моя мама уже знали, что меня поцеловал второгодник с Крайнего Севера и что я собралась за него замуж.

Вскоре братья-двоечники уехали в свою вечную мерзлоту, и я снова занялась слезкой.

Этот давний знакомый, который предлагал мне руку и сердце двадцать лет назад, стоял посреди зала и нервно поглядывал на часы. Влас почти не изменился за эти годы – мне показалось, что он даже подстрижен как тогда, в детстве. Когда я пригляделась к нему получше, все же заметила в его облике нечто новое. И наконец-то поняла – теперь он тщательно скрывал, даже маскировал ту правильность отличника, которую прежде выставлял напоказ: все было в нем то же, но стрижка чуть взъерошена, безукоризненный костюм он носил с какой-то небрежностью, в движениях появилась вальяжность и даже, как мне показалось, некоторая развязность, нет, скорее, уверенность. Однако я сразу же узнала его – все те же припухлые глаза, тяжеловатый подбородок – упрямый и настойчивый. Выглядел он прекрасно – очень интересный мужчина в самом расцвете лет... И, может, если б я не знала, какой он был скучный и противный в детстве, я подошла бы к нему, но пока я размышляла о мужчинах, остроугольных чемоданах, о специфическом запахе жениха № 1, о совместной с ним жизни и бородато-очкастых детях,

время, отведенное на второго претендента, было исчерпано. Я решила, что чем дальше, тем оно должно быть лучше, и № 3 – это, возможно, вообще предел моих мечтаний. Я помчалась на «Чеховскую», но там, на этой серой станции (серой, потому что в моем воображении сочетание букв, составляющих фамилию великого драматурга, было именно светло-серым), меня ожидало горькое разочарование.

По договоренности № 3 должен был держать в руках рекламную газету, которую еженедельно бросают в почтовые ящики москвичей. Он, как и было условлено, стоял посреди зала, высоко подняв газету над головой, медленно поворачиваясь по часовой стрелке. Казалось, что он стоит не в метро, а в аэропорту и держит в руках вовсе не газету, а табличку с фамилией какой-то именитой особы, боясь ее проворонить.

Я поскользнулась, когда увидела его, и чуть было не упала, когда рассмотрела: этот сын, наверное, был моим ровесником, ну, может, года на два постарше. У меня сложилось впечатление, что его буквально час назад вытащили из-под коровы, напялили клетчатый костюм с рантиком на воротнике, торчащим из-под прадедушкиного ратинового пальто, причесали кое-как, надрали на огороде последних, чуть тронутых морозом астр, втиснув их в угол вытертого, расквашенного дерматинового портфеля, купленного годам в семидесятых, и вытолкали в Москву, наказав без невесты не приезжать.

Возвращаться к № 2 было уже поздно, и я поехала домой.

Правда, до того как поехать домой, я заглянула в книжный магазин, где прочитала лекцию о засилье современной зарубежной литературы и нечаянно опрокинула на пол свои романы.

Снова читаю: «...тебя ждут великие дела!», еще минутка, и я встану, но тут душераздирающе звонит телефон. Бегу босиком в другой конец комнаты.

– Здравствуй, голубушка! Ты что, еще спишь?

Это мама – сейчас спросит о вчерашних свиданиях, а я еще не придумала, что бы соврать.

– Ты смотрела на часы? Знаешь, сколько сейчас времени? Пора обедать, а ты, наверное, в кровати валяешься! Ну что за режим у тебя такой ненормальный?!

– Я работаю, работаю.

– Нужно вставать раньше! Кто рано встает, тому бог дает.

– Я утром ничего не соображаю.

– С тобой бесполезно разговаривать! Ты все равно ничего не понимаешь! Мне утром звонила Олимпиада Ефремовна, Галя Харитоновна, а потом Зиночка.

«Начинается», – подумала я – все эти почтенные дамы были самыми что ни на есть ближайшими родственницами вчерашних претендентов.

– Ты почему ни с одним из мальчиков не встретишься?

Ничего себе мальчики, особенно тот, что с бородой и «дипломатом»!

– Можно подумать, это мне 31 год, и это я не замужем,

и это у меня нет детей! – не успокаивалась мама. – Я ищу тебе спутника жизни, а ты набираешься наглости и плюешь на все, что делает для тебя мать!

– Давай поговорим о чем-нибудь другом.

– О чем другом-то! – возмутилась она и затараторила: – Влас – такой хороший мальчик, целеустремленный, умный, добился в жизни всего, о чем только можно мечтать: имеет свой собственный автомобильный салон, не рвань там какая, человек денежный, симпатичный! Ты вспомни, как вы с ним хорошо в детстве ладили!

«Да уж, нечего сказать. Как только глаза друг другу не выцарапали, до сих пор не пойму», – подумала я, но маме сказала:

– Да, хорошо ладили.

– Ну вот. Кстати, ты не забыла, что у бабушки в пятницу день рождения?

«Тьфу, конечно же, забыла, совершенно перепутала все числа и даже не знаю, какой сегодня день», – подумала я, но ответила:

– Как я могла забыть! Я даже ей подарок приготовила – купила ночную рубашку. – Я вспомнила о белой шелковой, отделанной ручным кружевом сорочке с глубоким вырезом на спине, которую купила в тот день, когда впервые увидела Алексея Кронского в коридоре редакции.

– Напрасно, она все равно ее обрежет. Ты ей лучше открытку подпиши, и подлиннее.

– Не умею я открытки подписывать!

– Тоже мне писательница!

– Так мы что, значит, все-таки едем? *Этих* не будет?

– Конечно, едем. У *Зожор* еще воду на даче не отключили, и *они* там будут сидеть до одурения.

Эти или *Зожоры* – это мамин брат и его... Не знаю, как ее назвать, – супруга, тетка, гражданская жена, но между собой мы называем ее *Гузкой*. Ее зовут Зоей, а дядю – Жорой, а, следовательно, вместе получается Зожоры. Зоя действительно всем своим видом напоминает жирную рождественскую... нет, не гусыню, а гузку, с которой стекает жир. Она абсолютно ничего не делает, но мечется по бабушкиной квартире, создавая видимость того, что у нее полно работы и ей страшно некогда, а на самом деле каждые пять минут она бежит на кухню, заглывает бутерброд с вареной сгущенкой или печенье, кидается в ванную, прожевывает и с грязной тряпкой появляется в комнате. Наскоро смахнув пыль, снова бежит на кухню, запихивает в рот кусок ветчины и бежит жевать в туалет. И так целый день по кругу. Я сама видела!

С тех пор как мой родной дядя связался с *Гузкой*, наши отношения с ним накалились до предела – нас с мамой он попросту не переносит, как, впрочем, и мы его, поэтому, когда *Зожоры* дома, мы к бабушке стараемся не ездить.

– Кстати, Олимпиада Ефремовна тоже поедет, и всех нас к бабушке повезет Власик. Он сначала заедет за Олимпиадой, а потом за нами! – победоносно воскликнула мама. – Так что

наведи порядок в квартире.

– Мне некогда. Я работаю. И потом, я сама могу добраться до бабушки – не маленькая!

– Ничего не выйдет! Я приеду к тебе в пятницу рано утром... Смотри! Коля! Коля! Вон она, на окне! Лови ее, дави! Ну что ж ты неуклюжий-то такой?! А ты как думал?! Блоху не просто поймать! Раздавил? Щелкнула? Молодец! – Эти последние слова мама явно относила не ко мне, а к Николаю Ивановичу, своему четвертому мужу – заслуженному строителю России.

– Да что там у вас?

– Что-что? Все коты после дачи в блохах. Я вот что тебе говорю – приеду в пятницу рано утром и буду ждать Власика с Олимпиадой. Теперь я намерена контролировать каждый твой шаг. И если ты не выйдешь за него замуж и не родишь мне внука, то через неделю я заведу еще одну кошку.

– Но при всем желании я не смогу тебе родить внука через неделю!

– Меня это не касается. Моя нерастроченная любовь к внукам выливается на кошек! И это все из-за тебя! Пока. Пошла выводить блох! – крикнула мама и бросила трубку.

Кошмар! Ну, как теперь сконцентрироваться и начать творить? Все готово – составлен план нового романа, осталось только его написать, а тут какой-то Власик примешался.

Иду в ванную и обреченно чищу зубы в соответствии с объявлением на зеркале: «Чистить зубы не менее одной ми-

нуты!» Поесть или не стоит? Позавтракать или лучше пообедать? Или позавтракать и поужинать сразу после работы?..

«Прежде чем открыть эту дверь, посмотри на себя в зеркало!» – гласил плакат в углу холодильника, а чуть ниже: «Если и это не помогает, встань на весы!», «Заклей рот скотчем!» – прочла я еще одну памятку и решила не завтракать, а выпить чашку крепкого кофе и наконец сесть за компьютер.

Главное в моей работе – это удачно написать первое предложение, а потом все пойдет само собой. Пока еще оно висит облачком у меня в голове. Включаю компьютер, открываю новый файл, снова звонит телефон. Тьфу! Так я никогда не напишу первого предложения!

– Маня! Привет!

Это была Икки – моя подруга.

– Ты почему не на работе? – сурово спросила я и уставилась на не тронутый ни одной мыслью чистый экран ноутбука.

– Я тебе помешала?

– Да нет, все равно я еще не начала.

Икки облегченно вздохнула и затараторила без передышки. Она имела удивительную способность – говорить сразу обо всем, очень быстро, захлеб, но, как ни странно, я ее всегда понимала. Сейчас она рассказывала, какие сволочи ее коллеги по работе, что она, вероятно, все равно не вынесет такой зверской нагрузки и уйдет куда-нибудь в другое место, что мамаша ее совсем сдвинулась – у нее наблюдаются явные

психические отклонения.

– Нет, ты только представь, сегодня вызвала сантехника и усвистала на весь день на дачу, а у меня единственный выходной!

– Зачем вам сантехник-то понадобился?

– У нас не квартира, а руины после Сталинградской битвы! На кухне кран не открывается, и посуду приходится мыть в ванной, а в ванной сломался выключатель и нет света, так что мамаша уже перебила почти все тарелки. Замкнутый круг какой-то!

– Как же вы моетесь? – удивилась я.

– Мамаша вообще не моется, а я со свечкой, как в деревенской бане. Ну, так вот, он пришел, наследил, грязи понаволоку, всю квартиру перевернул... – Икки внезапно замолчала, а я затаилась, уже зная почти наверняка, что произошло в отсутствие Иккиной психованной мамашы.

– Молодой? – осторожно спросила я.

– Что?

– Сантехник молодой?

– Да, да. Моложе меня, мальчик совсем.

– Переспала? – с любопытством спросила я.

– Да что ты! – негодуя воскликнула подруга. – Как ты могла подумать! Я же говорю, мальчик совсем! Убогий такой, жалкий, половину букв не выговаривает. Ковырялся, ковырялся. Чувствую, что он совсем ничего делать не умеет, но пытит. Сделал кое-как. Но все-таки кран пока работает!

Икки все тараторила. Передо мной на экране замелькала заставка: «Работай, бестолочь!» Я хотела было остановить подругу, но не смогла вставить ни единого слова в ее бурную речь.

– Может, долго проработает. А что ты хочешь?! Дома старые, трубы сгнили, нужно всю систему менять... Ну да, переспала! А как ты догадалась?

Я закрыла ноутбук и приготовилась слушать захватывающую историю о любви аптекарши с сантехником.

– Я, кажется, влюбилась! – с удовольствием призналась она.

– Ерунда! Так сразу – и в сантехника! Да этого быть не может!

– Ты-то влюбилась в своего Кронского с первого взгляда! А что, сантехник – не человек, что ли?! – обиделась Икки.

– Ну, ты ведь говоришь, что он жалкий, убогий, половину алфавита не выговаривает и мальчик к тому же.

– Разница в возрасте меня абсолютно не смущает – это сейчас модно, а то, что он убогий и жалкий, меня и привлекло.

– На тебя ужасно подействовал развод! Просто ужасно! Ты как будто боишься, что у тебя больше никогда не будет мужчины, и кидаешься на первого встречного.

– Да, мой жизненный девиз: «За неимением гербовой пищем на простой». Не то что у тебя: «Уж лучше быть одной, чем вместе с кем попало!» А вообще зря я тебе рассказала!

Ой, зря! Ты, как Анжелка, такая же ядовитая становишься, а я-то думала, ты за меня порадуешься!

– Глупости какие! Я за тебя беспокоюсь. У него хотя бы есть московская прописка? Где он живет?

– В общежитии.

– Ну, все понятно.

– Что тебе понятно? Ой! Мамаша идет! И как мы только успели с ним и кран починить, и... Я, собственно, звоню тебе сказать, что мы в этот четверг встречаемся с девчонками в нашем кафе в пять вечера.

– И Женя?

– Нет, Анжелка придет, какой Женя! Она Кузю на вечер свекрови сплавить обещала. Ну, пока, еще созвонимся.

Я снова тупо уставилась в пустой экран – первое предложение почти совсем улетучилось из головы, оставив после себя лишь смутный, едва ощутимый след.

Д-з-з-з... Опять телефон.

– Манечка, здравствуй, детка! Мы с тобой сегодня еще не разговаривали? – бодро и совсем не по-старчески воскликнула бабушка. У нее до сих пор сохранился властный, командный голос – перекричит кого угодно. Это профессиональное – сорок три года работы в интернате для умственно отсталых детей не прошли даром.

– Нет, сегодня мы с тобой еще не разговаривали. Как ты?

– Никак не могу в туалет сходить, – злобно сказала она. У бабушки была вечная проблема с пищеварением. – Съела

два яйца, бутерброд с маслом, кофе со сгущенкой выпила – и никак не могу сходить. Но это ладно. Я все хочу тебя спросить, сколько сейчас у мамы кошек-то?

Этот коварный вопрос бабушка порой задавала мне по нескольку раз в день. Дело в том, что мама тщательно скрывала от старушки тот факт, что у нее было девятнадцать кошек. Благо они кастрированы и стерилизованы и при всем желании не могут уж больше производить на свет себе подобных. Бабушке мы говорим, что у ее дочери всего шесть пушистых зверьков, но она не верит, постоянно пытаюсь меня подловить и уличить во лжи.

– Шесть, – неизменно соврала я.

– Помнишь, у нее одно время было четырнадцать?

– Но это было так давно...

– Давно, – согласилась старушка. – Видать, одумалась, послушала все же мать! Ну, шесть – это еще куда ни шло, – смирилась она и, казалось, засомневалась в своих недобрых подозрениях. В то время когда бабушка знала правду и у мамы действительно было четырнадцать кошек, старушка каждый день закатывала ей истерики. Убеждала выбросить всех мохнатиков, укоряла, что она мать родную на них променяла, и грозилась навсегда переехать жить в совершенно чужую квартиру зятя, оставив при этом свою собственную Гузке. – А скажи мне, деточка, какое, бишь, сегодня число?

– Двадцать девятое.

– Я так и думала, что этот год високосный, – загробным

голосом сказала она.

– Почему? – не поняла я. – При чем тут високосный год?

– Так число-то двадцать девятое! А двадцать девятое бывает только в високосный год!

– Но ведь сейчас сентябрь, а не февраль! – возмутилась я.

– Да? – удивилась бабуля.

– Да. Тебе нужно поменьше смотреть телевизор. У тебя мешанина в голове!

– Не делай из меня дуру! Подумаешь, ошиблась! У меня все в порядке с головой. Я все помню и прекрасно соображаю, – проговорила она и заливисто запела: – Конфетки-бараночки... – Опять начался очередной рекламный приступ. Цитируя рекламные ролики, она доказывала всем, что еще не сошла с ума. – Мезим – для желудка незаменим. Дети, идите пить молоко! – взвизгнула бабушка. – Дети, идите пить молоко, – повторила она басистым голосом коровы и тут же перешла на детский лепет: – Смотри, они пьют такое же молоко, как и мы! Хорошо иметь домик в деревне!

– Бабуля, тебе бы мультфильмы озвучивать. – Мне наконец удалось перебить ее.

– Ой, лиса-а, – протянула бабушка и бросила трубку.

На часах 16.00 – все еще не написано первое предложение, но очень хочется есть, просто до невозможности – кажется, если я сейчас не поем, то умру голодной смертью. Достая из холодильника половину курицы, наваливаю гору жареной картошки. Плевать я хотела на плакаты с предостере-

жениями – потом взвешусь – и пусть мне будет плохо. Меня трясет от внезапно налетевшего голода. А, может, у меня диабет? Говорят, диабетиков трясет перед комой, и если они в этот момент ничего не съедят, то действительно могут умереть.

Включаю телевизор, в экране носится Дэвид Духовны с пистолетом и криками «Откройте, Федеральное бюро расследований!», где-то на втором плане мелькает рыжая Андерсон, а я думаю, заглатывая холодную картошку, как удав, что если б Влас был хоть немного похож на Молдера, я бы сразу влюбилась в него и даже не обращала внимания на его плоские шутки и занудство.

Потом мысль моя переметнулась на Икки, мне стало жаль ее – теперь подцепила какого-то сантехника. Причем я отлично знаю, чем закончится эта романтическая история. Уже сегодня к вечеру она начнет сомневаться в правильности своих действий, завтра придет в ужас от содеянного, потом на нее навалится депрессия, и она начнет скрываться от унитазных дел мастера. С ней так происходит вот уже два года, с тех самых пор, как она развелась со своим драгоценным Игорьком. Что-то перевернулось тогда в ее мозгах, и теперь ее постоянно преследует одна и та же мысль: что до смерти у нее не будет ни одного мужчины. От этого ей становится тошно, и в результате Икки спит со всеми, кто встречается на пути. А однажды она по секрету сказала мне, что просто-напросто ей неловко отказать: «Ну не могу я твердо сказать

«нет» мужчине, даже самому затрапезному, плюгавому, даже если он сразу на всех зверей похож!»

А ведь Икки отличная девчонка, и все те представители сильного пола, с которыми она была знакома когда-то, не стоили ее мизинца. Из всей нашей четверки она, пожалуй, мне ближе всех, и вовсе не потому, что мы живем с ней в соседних домах.

Но все по порядку!

Нас четыре подруги. Мы дружим очень-очень давно, страшно вспомнить даже, как давно мы познакомились – в младшей группе детского сада.

У всех моих подруг были очень странные имена – все они явились жертвами вкусов и политических убеждений. Взять, к примеру, Икки – ну что это за имя такое? Таких имен не существует. Это ее бабушка – рьяная коммунистка, мать отца, настояла на таком имени. Полностью мою ближайшую подругу зовут Икки Робленовна Моторкина, что расшифровывается как *Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала*. Мало старушке было сына, имя которого тоже имеет свою расшифровку – он *родился быть ленинцем*, так она еще и внучке умудрилась насолить, а потом умерла со спокойной совестью, до смерти оставаясь верной идеям марксизма-ленинизма.

Вообще эта злобная старушенция до последнего дня не давала окружающим нормально жить: ее сын Роблен сбежал из дома, когда Икки еще не исполнилось и двух лет, причем

сбежал он не от жены и дочери, а, скорее, от собственной матери, которая не растерялась и сразу после рождения внучки переехала к молодым. Она выгрузила около подъезда свои пожитки: настольную лампу с зеленым круглым плафоном, три строгих костюма – темных, неопределенных цветов, два сундука с сочинениями Ленина, Сталина, Маркса и Энгельса, распахнула дверь и торжественно, не церемонясь, объявила:

– Я приехала к вам жить. Робик, марш за моими вещами! Люда, а ты – на кухню! Хоть чаем напоила бы свекровь-то, – обратилась она к снохе. Тут из комнаты раздался пронзительный крик младенца. – И кте эте тют плячет? А? Кте эте плякает так! – радостно воскликнула бывалая коммунистка и, увидев внучку, незамедлительно окрестила ее *Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала*, заметив при этом, что она вылитый Роблен в младенчестве. Переубедить властную старуху было совершенно невозможно, и с тех пор моя лучшая подруга стала носить дурацкое имя, выдуманное вздорной бабкой.

Мать Икки, Людмила Александровна Моторкина, из красивой женщины быстро превратилась в сухощавую, морщинистую психопатку. Тот, который *рожден быть ленинцем*, вовсе не появлялся у них дома, боясь встречи со своей неукротимой матушкой. Икки выросла на «Капитале» Маркса и «Апрельских тезисах» Ленина. Единственной художественной книгой, которую разрешала прочесть деспотичная

бабка, была «Как закалялась сталь», всю остальную мировую литературу старуха считала развратной и растлевающей молодые души. Одно время Икки очень хотела научиться играть на пианино, но бабка сказала как-то:

– Игра на фортепиано – пережиток буржуазии, – и тем самым подписала приговор.

Надо сказать, что я всегда удивлялась, как, живя столько лет в одной квартире с бабушкой-тиранкой и истеричной мамашей, которая с каждым годом становилась все ненормальнее и ненормальнее, Икки все-таки удалось перечитать почти всю мировую литературу и научиться хоть и непрофессионально, но все же играть на пережиточном инструменте буржуазии. После уроков она торчала в библиотеке, а потом отправлялась в актальный зал и в одиночестве брэнчала на расстроенном инструменте. До пятого класса все мы, подруги Икки, думали, что ее ждет слава, всеобщее почитание, потому что у нее получалось все, за что бы она ни бралась. К тому же и училась она намного лучше нас. Но дело в том, что Икки не везло в жизни: не повезло с самого начала – с бабушкой-тиранкой, с глупым именем и еще с тем, что наш районный травмпункт стал для нее вторым домом. Каждые полгода она обязательно себе что-нибудь ломала.

В первый раз она долго не появлялась в детском саду, когда на нее упал шкаф, но Икки отделалась переломом ноги и выжила. С этого-то все и началось. Еще через полгода, когда мы катались, подложив под мягкое место кусок картон-

ки, с совершенно пологой и безопасной горки, Икки неудачно подвернула руку. Никому и в голову не могло прийти, что у нее был перелом, – она продолжала ходить в школу, а через две недели грозной бабке наконец надоело ее постоянное нытье, и она отвела внучку снова в травмпункт. Сделали рентген – оказался перелом локтевого сустава. За этим последовал перелом переносицы (Икки заступилась за первоклашку и получила по носу), потом неудачно подала футбольный мяч и повредила колено – кровь хлестала всю ночь, еще чуть-чуть, и у нее могло бы быть заражение крови. Две недели ее кололи пенициллином, и еще месяц она не могла ходить. И, наконец, самым решительным для Икки оказался перелом позвоночника, после чего наша подруга почти год не появлялась в школе, и почти год бедняжке не разрешалось сидеть. Стоило только ее бабке заметить, что внучка забылась и присела на краешек стула, как она начинала кричать благим матом. Навещая болящую, мы втроем ее прикрывали, и Икки могла посидеть минут пять. В то время она носила жесткий корсет до подмышек то ли из пластмассы, то ли еще из чего-то.

Помимо мук с корсетом ей приходилось по два с половиной часа в день делать какую-то специальную гимнастику для спины: «рыбки», «лягушки», «качели» и тому подобную дребедень, каждый день ходить на электрофорез и терпеть так называемый массаж, от которого вся спина становилась пунцовой, и краснота успевала пройти только за выходные.

После этого перелома позвоночника Икки растолстела и скатилась на твердые тройки. В восьмом классе у нее начался переходный возраст. Общаться с ней стало практически невыносимо – она мазала йодом прыщи на лице и курила «Беломор». Икки еле-еле закончила восьмилетку и была в полной растерянности, куда податься. Наша классная посоветовала Икки и еще одной девочке, беспробудной двоечнице, сходить в Дом культуры на день открытых дверей какого-то швейного ПТУ, потому что на большее эти две девицы не тянули. Но Икки наотрез отказалась – она не желала повторять судьбу своей инфантильной матери, которая всю жизнь просидела портнихой в ателье и заработала профессиональную болезнь – сколиоз второй степени.

Не помню, кто посоветовал Икки поступить в фармацевтический техникум, – беленький халатик, чистая работа, как раз для женщины. Куда уж лучше-то! Икки сдала экзамены и плавно перешла от командной домашней системы, установленной ее партийной бабкой, в тоталитарную систему медицинского училища. «Орднунг, орднунг и еще раз орднунг!» Как Икки умудрилась проучиться в заведении, где недопустимо опоздать на урок даже на минуту, где у входа каждое утро проверяли чистоту рук и ногтей, наличие сменной обуви и свежесть белых халатов?! Как она целых три года могла зубрить латинские названия трав, препаратов, лекарственных форм, учиться делать клизмы и уколы на поролоновых задницах, как можно вообще было проучиться столь-

ко времени без единого учебника на сплошных конспектах, как можно знать наизусть формулы из органической химии и при этом не быть фанаткой медицины и выплыть со школьных троек на четверки и пятерки, для меня до сих пор остается загадкой.

Однажды Икки сочинила рассказ и дала мне его почитать. Не могу не привести этот знаменательный текст. Вот он.

«Объявление.

Инна Константиновна, придя домой с биржи труда, которая ей ничего хорошего, кроме как заново переучиться, не сулила, тяжело опустилась на стул возле телефона, развернула рекламную газету и принялась названивать в поисках работы.

Первый ее звонок оказался неудачным – ей ответили, что прием на работу уже закончен.

Потом автоответчик сказал: «Мы распространяем лекарственные препараты и продукты питания для коррекции веса. Зарплата сдельная. Первый взнос – сто долларов. Адрес...» Но Инна Константиновна повесила трубку – у нее не было ста долларов.

Она сходила на кухню, на нервной почве съела полбатона хлеба и набрала следующий номер: «Торговая фирма приглашает менеджеров, дилеров. Зарплата высокая».

– Простите, – прервала собеседницу Инна Константиновна, – а кто такие менеджеры?

В трубке слышались короткие гудки.

Потом какая-то дама, ошалевшая от желающих устроиться на работу, закричала:

– Ой! Никаких объявлений! Не звоните больше!

И Инна Константиновна попытала счастье еще раз.

– Вы сейчас работаете – в данное время? – спросил ее приятный мужской голос.

– Нет.

– Ну, тогда и не надо, – ответил он и повесил трубку.

Инна Константиновна еще долго названивала по телефону, но ей не везло: то было занято, то никто не отвечал. Она перелистнула еще пару страниц и увидела объявление, от которого пришла в восторг:

**«Солдат, который не знает слов любви,
ищет свою донну Розу Д’Альвадорес».**

И вместо того чтобы найти работу, Инна Константиновна через три месяца вышла замуж за вышеупомянутого солдата, который оказался вовсе не солдатом, а генералом».

И зачем только Икки пошла туда учиться?! Я пару раз бывала в этом жутком заведении, и эти случайные посещения оставили в моей ранимой душе неизгладимый след.

Занятия начинались в восемь часов утра. К техникуму в любую погоду – зимой и осенью, в снег и в дождь – из метро двигалась колонна взмокших разукрашенных девиц. Они спускались в тесную подвальную раздевалку и заполняли за-

пахом пота все помещение – в то время дезодоранты были большой редкостью. В подвале стоял шум, хохот, кто-то из девиц отпускал непристойные шуточки. Чтобы сдать верхнюю одежду, выстраивались огромные очереди. Каждый раз Икки приходилось помимо общих тетрадей таскать с собой сменную обувь в холщовом мешке на резинке и чистый медицинский халат.

Девицы быстро одевались и, полусонные, мчались в разные аудитории. Опоздавших не допускали к занятиям и отправляли разбираться в кабинет директора. В итоге ничтожное опоздание могло вылиться в исключение из техникума. И плевать, что ты неплохо отучилась в этом гадюшнике год или даже два. Икки знала случаи, когда девиц исключали за опоздание с середины третьего курса. Но она терпела, потому что вбила себе в голову, что деваться ей все равно больше некуда и необходимо получить профессию. А чем фармацевт плохая профессия – беленький халатик, чистая работа, как раз для женщины!

Наконец, наступил тот день, когда зеленые первокурсницы поздравляли выпускниц с завершением учебы и дарили им по вялому нарциссу. Икки нарцисса не досталось, она плюнула и уехала.

Сдуру моя подруга попросилась в крупную двухэтажную аптеку в самом центре Москвы, и комиссия по распределению с радостью ее туда направила. На следующее после выпуска утро она уже сидела в приемной заведующей этой са-

мой аптекой.

В десять утра влетела толстая тетка с откляченным задом и в очках на кончике носа. Она как шальная забежала в кабинет, не обратив ни малейшего внимания на молодого специалиста, и немедленно потребовала у уборщицы молока из ассистентской (в те времена сотрудникам ассистентских выдавали за вредность молоко).

– Ты на работу? По направлению? – наконец в середине дня поинтересовалась заведующая, хрумкая сухари с изюмом.

– Да.

– Подожди. Столько дел, ничего не успеваю! – раздраженно проговорила она и снова потребовала молока.

Икки в тот день потеряла всякую надежду оформиться на работу, но в шесть вечера ее наконец вызвали в кабинет.

– В каком отделе ты хочешь работать – в рецептурно-производственном или в ручном?

– В ассистентской, – снова сдуру сказала Икки. Заведующая посмотрела на нее с удивлением – мало таких остолопов она видела на своем веку! Все девчонки после техникума стремились работать в ручном отделе, потому что это куда веселее, чем сиднем сидеть в ассистентской по уши в мазовых основах. Они были все время на людях, быстро знакомились с симпатичными клиентами и выскакивали замуж, но Икки об этом не знала. Она хорошо училась, и ей, как никому в группе, удавалось скатывать свечи.

Первый рабочий день Икки не задался с самого начала. Вернее, ожидала она от этого дня совсем другого – не того, что произошло на самом деле.

К тому времени она сбросила килограммов пятнадцать, сделала модную стрижку, которая, надо заметить, ей очень шла, надела самую лучшую свою бархатную, брусничного цвета юбку на кокетке, светло-серую водолазку и в прекрасном настроении пришла на работу, сгорая от желания вступить в новую, взрослую жизнь.

В ассистентской сидело около двадцати женщин: фармацевты, фасовщицы, провизоры, аналитики. Ее никто не представил, только заведующая отделом ткнула указательным пальцем в самый дальний угол и выговорила четким командным голосом:

– Иди на мази, свечи и пилюли.

Помню, в тот день мы с Анжелкой встречали ее у аптеки – у нас с ней были каникулы, и нам все равно нечего было делать. Икки работала до трех часов, но вышла только полпятого с кислой физиономией.

– Ну, что? Как первый рабочий день? – спрашивали мы наперебой. Я была уверена, что Икки наконец после своего тоталитарного техникума обретет счастье. Но она отошла к чугунному забору и заревела белугой.

– Это она от радости! – с воодушевлением воскликнула Анжела, явно ничего не понимая и безбожно ругаясь. Она так привыкла ругаться матом в музыкальном училище, что

сама нам нередко признавалась: «Боюсь, при родителях вырвется, так они меня убьют». С нами же она не церемонилась и бранилась, совершенно не стесняясь.

– Посмотрела бы я на тебя, как бы ты себя чувствовала, если б тебе такая радость привалила! – взвизгнула Икки и снова залилась слезами. И тут я поняла, что работа в аптеке – это настоящий ад даже по сравнению с бабкой-тиранкой и учебой в техникуме.

– Хватит реветь. Объясни нам, что там с тобой произошло, – попросила я.

– Тебя били? Пытали? Вот гады! – снова вмешалась Анжелка.

– Меня засадили за самый вонючий стол, обложили горой рецептов и сказали, что пока я все их не переделаю, домой не пустят. И зачем я только потратила три года на эту учебу!

– Звери! – ввернула Анжела.

– Вы только понюхайте, как от меня несет! Сероводородом! Как будто я объелась капусты и теперь страдаю метеоризмом! Ведь ко мне ни один нормальный парень не подойдет!

От Икки действительно как-то странно пахло протухшей квашеной капустой.

Анжелка обнюхала ее и мгновенно вынесла свой вердикт:

– Знаешь, к тебе и ненормальный не подойдет ближе чем на два метра.

Икки снова завывала, сквозь слезы рассказывая, какие него-

дядки работают в этой аптеке:

– Меня даже не представили: кто я, что я! Посадили за этот смрадный стол, а какая-то тощая озабоченная тетка, что сидела рядом со мной, целый день рассказывала фасовщице, как она в выходные изменяла мужу с новым любовником. Она в красках описала все позы из «Камасутры». Меня чуть не вытошнило. Раза два она отвлеклась для того, чтобы назвать меня дурой и тупицей.

– Это почему?

– Потому что только дура может согласиться работать в такой огромной аптеке, и к тому же в ассистентской!

– Но она-то работает!

– Она через неделю уходит в отпуск, а потом увольняется.

– Тебе же лучше – одной паразиткой меньше, – заметила

Анжела.

– Я не пойму, ты что, все рецепты переделала?

– Нет, я убежала, – призналась Икки, – смылась, потому что еще ничего сегодня не ела и смертельно устала.

– Правильно сделала. Послушай, где вас распределяли? – спросила я.

– В Аптечном управлении.

– Это отсюда недалеко.

– На улице 25-го Октября, – подтвердила Икки.

– Ну, и что ты нюни распустила? Пошли туда ходим и перераспределим тебя, – предложила я – мне казалось это проще простого, и мы втроем поплелись в управление.

Только ничего из этого не вышло – Икки должна была теперь отработать там ровно три года, и теперь три года от нее будет разить тухлой капустой. Можно было поставить крест на личной жизни.

Она еще потом ходила по разным юридическим консультациям, чтобы отстоять свои права, но это ничего не дало. Только через полгода она узнала, что избежать трехгодичной отработки можно по состоянию здоровья – например, если у тебя аллергия на препараты.

Я сразу увидела свет в конце туннеля и уже знала, как вытащить невезучую подружку из зловонной ассистентской.

У Икки действительно была аллергия на некоторые вещества и препараты, только не слишком сильная. Больше всего у нее закладывало нос, и она начинала чихать от белого порошка салициловой кислоты, похожего на остроконечные снежинки. Икки стянула граммов пять этой «спасительной» для нее кислоты, пришла к аллергологу в нашу поликлинику и уселась у кабинета, поминутно шмыгая носом и вытирая его платком. В платок мы насыпали порошка. Народу к врачу было довольно много, и за час Икки так обнюхалась салицилки, что вошла в кабинет с красным распухшим носом. Я, конечно, не ожидала такого сногшибательного эффекта, но кончилось тем, что Икки загремела на месяц в аллергологический центр, после чего ее все-таки перевели в другую аптеку. Теперь она сидела в Главной районной аптеке в справочном отделе, читала книжки под столом и томилась от без-

делья, а каждый вечер ей звонила какая-то чокнутая старуха и спрашивала всегда одно и то же монотонным голосом, без всякого выражения – она явно издевалась:

– Аптека? А валокордин есть?

Икки отвечала, что есть корвалол, старуха бросала трубку и через пять минут звонила снова. Икки чувствовала себя неуютно – ее достала эта старуха.

– Представляешь, – говорила она мне, – эта идиотка меня видит, наблюдает за мной днем, может, даже подходит к отделу, а по вечерам звонит и измывается.

– Пошли ее куда подальше, – советовала я, но Икки раздирало любопытство так, что однажды, когда в аптеку привезли валокордин, она купила этой ненормальной тетке два пузырька, а когда та снова позвонила и спросила, как обычно: «Аптека? А валокордин есть?», Икки победоносно, едва сдерживая радость, ответила:

– Есть. Я на свои деньги специально для вас купила два флакона, так что сразу подходите в справочный отдел.

Ей очень хотелось увидеть тронутую старуху, но та оказалась вовсе не такой дурой – через пять минут она опять позвонила:

– Аптека? А валокордин есть?

Тогда Икки последовала моему совету и послала ее очень далеко – так, что та больше не звонила.

Со временем Икки поняла, что тех денег, которые ей платили в отделе справок, ни на что не хватает и что безделье

может быть хуже самой тяжелой работы. К тому времени отработки и распределения отменили, и она перешла в аптеку на Сретенке к своей подруге по техникуму в ручной отдел. Лето она отработала неплохо, платили намного больше, чем в отделе справок, Икки была на людях, на нее часто обращали внимание молодые люди и не очень. Но больше всего ее любили местные пьянчужки.

В то время, когда на деньгах еще мелькал великий вождь пролетариата и страна уже вовсю «перестраивалась», цена на водку резко подскочила. Еще до открытия аптек за настойками выстраивались огромные очереди изгнанников общества и бомжей. Самым шиком считалось урвать настойку боярышника, потом шел пион, потом пустырник и борный спирт. Настойку валерианы брали в самых крайних случаях. Тогда не положено было отпускать в одни руки больше двух флаконов, но Икки плевала на это «положено» – «не положено» и продавала настойки на радость «изгнанникам» целыми коробками.

Однако с наступлением холодов обстановка кардинально изменилась – аптека оказалась неотопливаемой, Икки приходилось работать в перчатках и телогрейке, так что привлекательность ее сразу исчезла. Потом над аптекой случился пожар, и целую неделю сотрудники разгребали завалы промокшего, пожелтевшего анальгина на складе, оттирали торговый зал и дышали гарью. Затем долго подсчитывали убытки и распределяли, кто сколько зарплат должен выплатить.

Икки переругалась со всеми и уволилась, сказав мне, что она выбрала самую дурацкую профессию из всех существующих.

Потом она работала гардеробщицей в библиотеке, была одно время даже смотрительницей одного из трех залов крохотного музея, продавала пирожки на улице, но еще в аптеке на Стретенке она успела найти свою любовь – Игорька, который захаживал к ней каждый вечер и неизменно покупал облатку аспирина. Он был старше Икки на шесть лет и преподавал высшую математику в каком-то техническом вузе.

Мы с Икки вышли замуж в один год – она за Игорька, а я за Славика. Я развелась через год, Икки терпела своего ненаглядного Игоряшу восемь лет, и все эти восемь лет она знала, что супруг напропалую изменяет ей со своими студентами. Знала и терпела, потому что вбила себе в голову, что без него она никак не сможет жить.

Ну, первые пять лет, может, ее распущенный Игорек и был для нее выходом из положения, и совместная с ним жизнь имела кое-какие плюсы. Во-первых, у него была отдельная квартира, и Икки наконец-то избавилась от общества бабки-тиранки, а во-вторых, Игорь особо не настаивал на том, чтобы его жена работала, а Икки, уставшая от аптек, пирожков, музеев и неподъемных пальто, не прочь была посидеть дома.

На шестой год Иккиного брака у нее скончалась бабушка. После похорон я осторожно намекнула подруге, что те-

перь-то ей самое время переехать домой, но она еще любила своего испорченного, аморального развратника Игоряшку и ничего не желала слушать. Тогда она сделала большую ошибку, потому что с Игорем они все равно расстались через два года (когда он наконец наградил ее триппером, Икки не вынесла и сама подала на развод). Только вот к тому времени ее мама привыкла жить одна в двухкомнатной квартире: ей нравилось чувствовать себя полновластной хозяйкой, нравилось, что теперь никто не какает ей на мозги, нравилось делать что хочется, а именно: с утра до глубокой ночи смотреть все подряд сериалы и постоянно при этом жевать.

Людмила Александровна очень удивилась, когда Икки снова появилась дома. Ей это явно не понравилось, да и скрывать своего недовольства она не собиралась – после смерти свекрови Иккина мать заняла большую комнату и с приходом дочери врезала замок. Людмила Александровна поставила Икки еще одно условие – купить себе холодильник, потому что свой, как и дверь комнаты, запирала на ключ.

Икки ничего другого теперь не оставалось, как снова поехать в аптеку. Она получила сертификат, прошла медицинское обследование и устроилась работать недалеко от дома в сетевую аптеку «Лекарь Атлетов».

Это была совсем другая работа – теперь Икки пахала два дня подряд по двенадцать часов без перерыва на обед. Обещали платить довольно много, но все время из-за пустяков

ее лишали премий, в результате чего она получала столько денег, сколько могла потратить за два выходных дня. То есть очень мало, потому что первый свой выходной день она отлеживалась и приходила в себя после адской работы, а второй к ней готовилась.

Поначалу новая заведующая (Клавдия Михайловна Потапова) показалась ей душкой, совсем не такой, как все предыдущие начальницы, но вскоре Икки возненавидела всем сердцем эту женщину с монголоидной физиономией и злыми черными глазами, которые изо всех сил пытались улыбаться. Клавдия Михайловна летала по отделу с большим воодушевлением, встревала в разговор Икки с клиентами, вываливала препараты на прилавок, чтобы посетитель мог сам выбрать, что ему нужно. Если какого-то препарата не было в наличии, Клавдия кричала на весь торговый зал: «Легко!» – и убегала в подсобку. Через минуту она уже неслась обратно, оповещая покупателя, что препарат она заказала и завтра клиент сможет его приобрести. Вообще для нее все было «легко!» – это было любимым словом заведующей и, казалось, девизом жизни, наверное, оттого, что она не стояла за прилавком два дня кряду по двенадцать часов без перерыва на обед...

С экрана пропал Молдер, «Секретные материалы» закончились, как, впрочем, и цыпленок с холодной картошкой. Свалив грязную посуду в раковину, я целенаправленно направилась к письменному столу, но вдруг увидела чье-то без-

образное отражение в зеркале. Боже мой! Неужели это я?! Этого не может быть! Еще утром я казалась себе красивой и стройной, лишних килограммов почти нигде не было заметно. Стоило мне только плотно пообедать, как на бедрах, на спине и на животе появились наросты неизвестного происхождения. Это из раздела секретных материалов! Человек не может так быстро толстеть! Кажется, что какой-то злодей, издеваясь, облепил мое тело в некоторых местах пластилином. И когда только в моду снова войдут кустодиевские женщины? И когда можно будет есть все подряд, не боясь поправиться? Обещали, что в конце XX века. Уже начало XXI – и ничто не предвещает перемен. Снова наврали!

Я решила, что пускать это дело на самотек нельзя, поэтому пошла в туалет и вызвала рвоту. Меня полчаса выворачивало наизнанку, и хоть внешних изменений после процедуры я не увидела, голова моя явно просветлела, а это самое главное, потому что на голодный желудок лучше соображается – доказано самой жизнью: в нищете и голоде писатели создают лучшие свои произведения.

И вот я снова сижу перед пустым экраном. Кажется, мозг мой начал работать. Сейчас, сейчас я вспомню первое предложение моего еще не написанного романа, которое должно стать своеобразной пружиной, от которой я оттолкнусь и одним махом напишу гениальный текст...

Д-д-зззззз. Опять телефон.

– Манечка, здравствуй, детка! Мы с тобой еще сегодня не

разговаривали? – Это снова была бабушка.

– Разговаривали и все обсудили, поверь.

– Да? А я хотела узнать, вы когда с мамой ко мне приедете?

– В день твоего рождения, – терпеливо ответила я.

– Ха! На день рождения они приедут! До моего дня рождения еще День Победы и Новый год! Это что же получается, вы ко мне и на День Победы не приедете?

– Бабушка, у тебя день рождения в эту пятницу. Сейчас сентябрь. День Победы – в мае, понимаешь, девятое мая еще через полгода, а Новый год через три месяца. Сначала – твой день рождения, потом Новый год, а потом девятое мая, – еле сдерживаясь, вдалбливала я.

– Да?

– Да. Прекращай смотреть телевизор!

– А у нас сегодня йог в позе лотоса не смог! – выпалила бабуля очередную фразу из рекламного ролика и бросила трубку.

И отчего только у меня нет никаких способностей к иностранным языкам?! За всю свою жизнь я так и не смогла выучить ни одного. А как хорошо быть переводчиком! Вот была бы я сейчас не писателем, а переводчиком, как Женька, и не нужно было бы мне ничего придумывать – переписывай чужой текст и гребь деньги лопатой.

Хотя нет, ничего не придумывать я бы, пожалуй что, не смогла – это скучно. Не представляю, как Женька целыми

днями переводит чужие романы, инструкции по эксплуатации новомодной сантехники и электроинструментов?.. Он берется за все, потому что ему очень нужны деньги. Много денег. Когда я спрашиваю, зачем ему столько, он обычно отвечает, бесстыдно цитируя Федора Михайловича нашего Достоевского, надеясь, что я не вспомню, где он это вычитал:

– Многое я пишу вследствие необходимости, пишу к сроку, пишу по три с половиною печатных листа в два дня и две ночи. Я – почтовая кляча в литературе, и многие, о, очень многие уверяют, что от моих текстов пахнет потом и что я их слишком обделяю.

Однако все по порядку!

Женька изначально не являлся членом нашего коллектива, сформировавшегося еще в детском саду и называемого нами содружеством.

Евгений Сергеевич Овечкин – мой бывший сокурсник и примкнул к нам много позже, лет восемь назад. Теперь, когда Анжелка вышла замуж, Женя все чаще и чаще занимает стул вместо нее в нашем любимом кафе (где, кстати, мы должны встретиться с девчонками в четверг).

Я познакомилась с ним на первом курсе института – он учился на переводческом факультете, изучал французский и испанский языки. Поначалу он показался мне обыкновенным «ботаником», который уже в начале семестра беспокоится только о том, чтобы сдать к концу полугодия все зачеты и экзамены. Он был очень неразговорчивым и избегал обще-

ства как девушек, так и парней. Но к концу первого семестра он уже не казался «ботаником» – я поняла, что это человек с большими странностями. А дружба наша зародилась, когда Женька на экзамене по языкознанию подсунул мне под локоть шпаргалку.

Год спустя я узнала о том, что мой друг глубоко несчастен. Оказалось, что он – ни больше ни меньше, а ошибка природы, что ему нужно было родиться девочкой, а не мальчиком. Он не знал, как мне об этом сказать, и не нашел ничего лучшего, как для начала рассказать анекдот – наверное, надеялся, что я сама догадаюсь:

«Сидят в песочнице два карапуза – мальчик и девочка, без штанов. Мальчик внимательно глядит на свое отличающее начало, потом смотрит еще внимательнее туда, где оно должно быть у девчонки, и с сожалением и разочарованием спрашивает:

– Потеляля?

– Не-е, так и было, – грустно отвечает малышка.

– Так вот я не понимаю, не способен понять грусти этой глупой девочки из песочницы! – горячо, на полном серьезе воскликнул тогда Женька. – Много бы я отдал, чтобы у меня «так и было»!

Я сразу-то ничего не поняла, а когда до меня наконец дошло, к чему клонит мой друг, стала его утешать, приводила кучу примеров из жизни, но тем самым только еще больше разозлила и расстроила его.

Через неделю он все-таки раскололся, потому что, наверное, я была единственным человеком, которому он мог доверить свою тайну.

Женька рассказал мне о своем первом неудачном сексуальном опыте. Ему было тогда пятнадцать лет, и он отдыхал летом у знакомых под Москвой. Все три месяца одна местная дама (вдова, схоронившая четырех мужей) оказывала ему недвусмысленные знаки внимания. Женька, в душе неисправимый романтик, воспринимал «знаки» с ее стороны как нерастраченную материнскую любовь (он все свое детство провел в каком-то интернате, где изучал английский язык, и родительского тепла ему явно не хватало). Он и представить не мог, что эта сорокадевятiletняя мадам хочет использовать его в качестве своего последнего любовника.

Как-то поздней осенью Женька приехал на дачу забрать свои вещи. Кроме его сорокадевятiletней воздыхательницы в поселке никого не было. Она заманила мальчишку к себе домой и чуть «не снасиловала», как он сам выразился. Дама эта была довольно тучной, высокого роста, а Женька был похож на тщедушного желторотого цыпленка с длинной шеей.

– Изольда сначала напоила меня чаем с черствыми плюшками и все повторяла, что ей холодно, что все уже давно разъехались, что ее летний домик уже не прогревается старым немецким камином, а она не могла уехать, не повидавшись со мной. Она все говорила, что знала, чувствовала и бога молила, чтобы еще раз меня увидеть.

Потом они долго сидели в тишине, слышно было только, как сильный холодный октябрьский ветер завывал в трубе и голые ветки сирени стучались в окно. Наконец Изольда встала со стула, вышла куда-то, а через пять минут появилась в ледяной комнате в одних колготках, которые плотно обтягивали ее кучковатые бедра. Она невероятно ловко стянула с себя колготки и сиганула к Женьке на кровать. Чашка выпала у него из рук, он ошпарил себе колени. От боли и неожиданности он ничего не мог понять. Вдруг взгляд его остановился на трехслойном Изольдином животе, на котором остался глубокий красноватый след от тугой резинки колгот.

Женька бежал в Москву от сорокадевятилетней вдовы, забыв про вещи, за которыми он, собственно, и приезжал, а перед глазами всю дорогу мерещился трехслойный Изольдин живот, разделенный следом от тугой резинки.

Эта «первая любовь» глубоко ранила романтического, воспитанного на классической литературе пылкого юношу. Он больше так и не сумел поверить в чистые отношения между мужчиной и женщиной, о которых читал в книгах.

Женька знал, что любой его ровесник не упустил бы такого момента и принял бы с удовольствием и с подростковым интересом любовь и ласки жирной вдовы, и ему потом совсем не было бы стыдно – напротив, он хвастался бы перед остальными своим первым опытом. Именно тогда Евгений понял, что он не такой, как все, – ему нужно было родиться

той девочкой, которая якобы что-то потеряла в песочнице.

С каждым годом он все больше и больше убеждался в том, что внутри он совсем не мужчина и матушка-природа ошиблась, дав ему такое обличье. У него никогда не было женщин, он все чаще влюблялся в представителей своего пола – страдал, не ел, не спал...

Но водилась за ним одна странность: влюбляться в мужчин он мог только на расстоянии – в какую-нибудь модель с обложки гламурного журнала или в слащавую физиономию с телеэкрана. То есть чувство его всегда оставалось безответным, в результате чего за всю жизнь у него не было не только ни одной женщины, но и ни одного мужчины.

Для всех нас Женька был просто «хорошей девчонкой», с которой всегда можно поговорить по душам, обсудить, какой макияж моден в этом сезоне, и прошвырнуться по магазинам в поисках нижнего белья (Овечкин помешан на трусах и бюстгальтерах и всегда поможет подобрать то, что нужно). Он часто говорит нам:

– Никого у меня нет, кроме вас. Совсем я один на этом свете, сиротинушка.

Он действительно был круглой сиротой, его родители умерли, когда работали в Африке, – то ли от москитной лихорадки, то ли от лихорадки паппатачи, что, кажется, одно и то же, а может быть, подцепили малярию, точно не помню – Евгений не любит об этом вспоминать.

Единственная, кто в нашей компании относится к нему

отрицательно, даже, пожалуй, с презрением и пренебрежением, это Анжелка. Она со злости называет его за глаза «оно» или «наш полумужчина», якобы из-за своих религиозных убеждений. Но я считаю, что она всего-навсего ханжа.

В то время, когда Анжелка еще не ходила в православную церковь, а потом не перешла в секту адвентистов Седьмого дня, не вышла замуж, не родила Кузю и безбожно ругалась, она неплохо ладилась с Овечкиным. Но чем больше она «совершенствовалась», тем нетерпимее относилась к нашему несчастному другу. Теперь, после рождения Кузи, отношения их накалились до предела, и мы должны были постоянно выбирать и отдавать предпочтение то Евгению, то Анжеле.

Анжелика Ивановна Поликуткина (в девичестве Огурцова) тоже, как и Икки, стала жертвой вкусов собственных родителей. Когда мать Анжелки – Нина Геннадьевна Огурцова была на пятом месяце беременности, они с мужем – Иваном Петровичем Огурцовым посмотрели две серии популярного тогда фильма об Анжелике и Жоффре. Поэтому сразу после этого события было решено: если родится девочка, назвать ее Анжеликой, в честь героини знаменитой киноленты, и неважно, что это иноземное имя совсем не сочеталось с фамилией Огурцова. Хорошо еще, что Анжелкины родители в то время не дошли до индийских фильмов, а то бог весть, как бы сейчас звали Анжелику Ивановну Поликуткину (в девичестве Огурцову)!

В период нашего с Анжелой детства ее родители страстно увлекались музыкой – переписывали на рентгеновские снимки песни «Битлз» и «Роллинг стоунз», и эта их любовь к музыке в дальнейшем определила будущую профессию Анжелы.

До третьего класса Огурцовы никуда не могли приткнуться свою девочку – ее скрытые способности никак не хотели раскрываться. Сначала они отдали ребенка в художественную студию, но дальше изображения перекосившихся домиков со свернутыми возле них калитками дело не пошло. Потом Анжела попыталась счастья в кружке хореографии, но никак не могла взять в толк, что, когда художественный руководитель говорил: «Упасть», это вовсе не означало, что нужно действительно плюхаться на крашеный, натертый мастикой пол и все время пачкать свой зад, что от нее всего-навсего требовалось сделать реверанс. Нине Геннадьевне надоело после каждого занятия стирать Анжелкину форму, и она забрала ее из кружка. Еще был кружок мягкой игрушки, инкрустации, соломки, выжигания по дереву... А в третьем классе к нам в конце урока арифметики заглянула темноволосая сухопарая женщина лет сорока и радостно, с большим энтузиазмом спросила:

– Дети! Кто из вас хочет научиться играть на старинном русском инструменте – балалайке? А? Кто хочет стать настоящим музыкантом?

Шесть человек подняли руки. Среди них была и Анжел-

ка. Через пару месяцев пять из шести наших одноклассников сбежали из балалаечного кружка, и обучаться играть на трех струнах осталась одна Анжела, несмотря на то что у нее были серьезные проблемы с музыкальным слухом. Она бы, наверное, тоже сбежала, но родители вцепились в балалайку намертво, потому что старинный русский щипковый инструмент был последним шансом хоть чему-то научить бестолковую дочь. И в конце концов Анжела стала балалаечницей.

Вообще Анжелкины родители постоянно чем-то увлекаются, вернее, мать. Отец же – страшный подкаблучник, во всем потакает супруге. Да, наверное, иначе никак нельзя, потому что именно она – глава семьи Огурцовых, именно она всегда решала, экономить ли на питании в этом месяце, чтобы накопить на новую мебель, или уйти в трехдневный запой и начать копить деньги со следующего. Надо заметить, в так называемые застойные времена Нина Геннадьевна Огурцова нещадно пила, но это не мешало ей постоянно находиться в состоянии какого-нибудь увлечения.

Боже мой! Чем только Огурцовы не увлекались, чем только не бредили, чем только не интересовались! Их совместная супружеская жизнь была похожа на зебру, раскрашенную разноцветными полосками периодически сменяющихся увлечений.

Нина Геннадьевна долгое время работала в «Госкино» уборщицей, и в это время супруги болели индийскими фильмами. Вся их квартира заполнилась разноцветными фарфо-

ровыми статуэтками индианок в ярких юбках со страшными физиономиями. В доме стоял специфический запах глеющих индийских палочек. Они даже квашеную капусту посыпали приправой карри и кормили этим не только Анжелку, но и бедного пуделя с печальными глазами, который прожил у них двенадцать лет в тесном коридорчике и которого они не смогли толком похоронить – запихнули в старую дорожную сумку и выбросили под первое попавшееся дерево во дворе.

Само собой, это их безумство по поводу индийского кино плавно перетекло в увлечение йогой, и толстая, бесформенная Анжелкина мамаша часами пыталась изобразить позу лотоса, путаясь в собственных ногах. Однажды она так серьезно в них запуталась, что сломала шейку бедра, после чего год не показывалась на улице, а через полтора я увидела ее стоящей около березы ранним зимним утром...

...Она стояла совершенно голая и босая на снегу, возведя руки к темному предрассветному небу. Рядом топтался Анжелкин папа, держа в руках ведро с водой. Кажется, в тот период жизни они увлеклись теорией какого-то модного целителя, и Нина Геннадьевна подобным образом оздоравливала свой организм, пока не подхватила воспаление легких. А когда подхватила, два месяца лежала в постели и увлеклась составлением лекарств по древнейшим рецептам. Помню, кто-то дал ей почитать книжку, которая так и называлась: «Рецепты наших прадедов» или что-то в этом духе. Простуди-

ровав «прадедовские рецепты», она через Анжелу попросила у меня столетник, уверяя, что это растение непременно должно помочь ей вылечить осложнение после воспаления легких. Непомерный куст алоэ стоял у меня на подоконнике, и я все время ждала, что он вот-вот должен расцвести. Я знаю, конечно, что он цветет раз в сто лет, но почему бы этот раз не мог прийтись именно на мою жизнь? Однако нужно было спасать Анжелкину мать, и я отволокла Огурцовым гигантский столетник, который, как мне казалось, не сегодня завтра загорится красными, оранжевыми или желтыми гроздьями. У меня даже в голове не было оговаривать тот факт, что я даю им свой драгоценный ксерофитный суккулент напрокат – пока Нина Геннадьевна не выздоровеет. И каково же было мое удивление, когда на следующий день я узнала, что мое родное и бесценное растение, которое должно было раскрыться в прекрасном, невиданном цвете, прокручено через мясорубку, сдобрено медом и какао в соответствии с «прадедовским рецептом»! Я была в шоке – теперь я никогда в жизни не увижу, как расцветет мой столетник, потому что его извели до последней колючки, превратив в отвратительную массу цвета детской неожиданности.

После «прадедовских рецептов» были еще космическая и рисовая диеты, сыроедение, голодание, живая и мертвая вода и многое другое. Но, пожалуй, самым серьезным увлечением четы Огурцовых до их обращения в православие было увлечение уринотерапией.

Как-то я зашла за Анжелкой, и стоило мне только переступить порог квартиры Огурцовых, как я почувствовала себя крайне нехорошо: в горле заклокотало, в носу защекоотало, я начала чихать. По квартире распространялся удушливый, тошнотворный запах.

– Чем это так воняет? – забыв обо всех правилах приличия, спросила я.

– Мама упаривает урину, – пояснила Анжелка.

– Чего делает? – не поняла я.

– Чего-чего! Мочу упаривает!

– Манечка! Здравствуй! – поприветствовала меня Нина Геннадьевна. – Не обращай внимания на запах, это очень полезно.

Как можно было не обращать внимания на этот смрадный запах, я понять не могла.

– Что, и нюхать полезно? – спросила я и попыталась улыбнуться ради приличия, но то получилась зловещая улыбка Франкенштейна.

– И нюхать тоже, – подтвердила Нина Геннадьевна. Говорила она всю жизнь в нос, монотонно, растягивая слова – то ли от природы, то ли по причине хронического гайморита. – Все полезно. Эту золотую, солнечную, поистине божественную жидкость можно применять как угодно. Можно втирать в кожу, можно делать клизмы и очистить таким образом весь организм, можно пить и тем самым избежать злокачественных образований. Это – панацея. Урина помогает при любом

заболевании. Она даже излечивает СПИД, не говоря о сифилисе!

Я жалась ближе к выходу и почти слилась со стеной.

– Сейчас, сейчас я тебе кое-что покажу, подожди, – сказала Нина Геннадьевна тоном радушной хозяйки и помчалась на кухню, в самый очаг вони.

– Анжелка, выпусти меня немедленно, или я вам тут все стены испорчу!

– Сейчас, только ресницы покрашу, и пойдем, – сказала она и ушла в комнату – мне показалось тогда, что они надо мной издеваются.

Тем более что на меня из кухни надвигалась Нина Геннадьевна с эмалированной кастрюлей в руках, из которой валил дым. Зловоние становилось все нестерпимее.

– Посмотри, – с воодушевлением воскликнула Анжелкина мать и ткнула мне прямо в нос посудину со смрадной коричневатой жидкостью, – механизм очень прост, и, заметь, ни копейки денег для того, чтобы быть совершенно здоровым человеком. Собираешь собственную урину и упариваешь ее на тихом огне. Пропорции я тебе напишу. Потом можешь пить ее, прикладывать к болячкам, в общем, делать с ней что хочешь.

После этих слов я наконец не выдержала и стала медленно сползать по стенке.

– Ты не обращай внимания на запах. Это у меня моча такая пока... Неочищенная. Скоро Иван придет, сделает мне

клизму, урина как раз за это время подостынет, – радостно сказала Нина Геннадьевна и со счастливой улыбкой на устах скрылась в кухне.

Стало быть, Иван Петрович снова втянут в очередное увлечение жены и тоже ставит клизмы и пьет собственную мочу.

Эта последняя их страсть к уринотерапии длилась почти два года – до тех пор, пока они случайно не забрели в церковь, что недавно открылась неподалеку. Они зашли и... снова увлеклись. Просто с ума сошли.

Спустя неделю Нина Геннадьевна ходила повсюду в платке (Анжела говорила, что она его даже на ночь не снимает), уничтожила всю косметику, которая была у них в доме, напялила длинную юбку и стала называться «матушкой». А «батюшка» облачился в темный скромный костюм, и каждое воскресенье сопровождал ее в храм божий. Они даже диктофон прикупили и стояли на проповеди в двух шагах от священника – то ли для того, чтобы засветиться, то ли чтобы запись проповеди была качественнее.

Дошло дело и до первой исповеди, на которой священник категорически запретил Нине Геннадьевне употреблять мочу внутрь и пригрозил тем, что не допустит ее ко причастию. Таким образом, с уринотерапией было покончено.

Анжела пофыркала-пофыркала по поводу последнего родительского увлечения, думая поначалу, что и оно скоро минует их семейку, как страсть к народному целительству, ин-

дийским фильмам и йоге, но этого не происходило. В конце концов как-то постепенно Анжелка сначала стала меньше ругаться, потом и вовсе перестала и, что уж совсем не влезало ни в какие рамки, бросила курить. А уж после первого выдержанного ею Великого поста (после которого, кстати, она весьма потолстела и ее и без того округлые формы совсем растеклись, потому что весь пост она утоляла свой постоянный голод буханками хлеба) настолько возгордилась, что целый месяц с нами не общалась – мол, недостойны мы ее расположения. Через месяц она все-таки снизошла до наших скромных персон, но с Женькой с тех пор была на ножах.

За это время у нее появились какие-то новые знакомые, с которыми Анжелку связывали, как она сама говорила, «православные отношения». Я долго думала, что это значит – «православные отношения»? Я пыталась это как-то объяснить лексически, растолковать – даже в разных словарях копалась, но подобного фразеологического оборота не нашла и пришла к выводу, что таких отношений не существует в природе. Это мыльный пузырь. Просто Анжелка теперь избегала общения с нами, боясь запачкаться, – мы же не ходили в церковь каждое воскресенье и могли свернуть ее с пути истинного.

У Анжелкиных родителей тоже появилось много новых знакомых, с которыми их связывали эти самые «православные отношения», и еще одно незначительное увлечение – ведь без увлечений они не могли жить. Новое увлечение на-

зывалось «ремонт». Стоило им в первый раз отремонтировать кухню, как они немедленно взялись за коридор, комнату, поставили новый толчок в туалете (в унитаэном бачке у них теперь всегда была голубая вода – Анжелкина мамаша специально для этой цели покупала в хозяйственном магазине заморские таблетки по 50 рублей за штуку) и снова вернулись к кухне, потому что обои, наклеенные год назад, уже не отвечали требованиям моды.

И вот когда в семье Огурцовых наконец-то все, казалось бы, утряслось, произошло самое страшное, что только может случиться у людей, которых связывают «православные отношения».

Наверное, самой большой Анжелкиной проблемой было то, что до двадцати девяти лет она оставалась девицей и всю дорогу нам завидовала, хотя явно этого не выражала. В то время как я развелась со своим третьим мужем, она все еще сидела в девках. И однажды что-то перевернулось в ее мозгах – не знаю точно как, но из православия она вдруг перепрыгнула к адвентистам Седьмого дня. Стала регулярно ходить на их субботние собрания, шляться по вечерам с гуманитарной помощью по братьям и сестрам во Христе, петь духовные песни под брэнчание балалайки. Бросила работу в народном ансамбле, перешла в один из музыкальных адвентистских коллективов с незатейливым названием «Колокольчик» и теперь разъезжала по городам и весям, обращая заблудших овец в «настоящую, истинную» веру. Родители

были в шоке от того, что выкинула им на старости лет их такая с виду благочестивая дочь.

– Еретичка! – не уставала повторять Нина Геннадьевна, когда Анжелка в субботний вечер убегала на очередное собрание.

– Сами такие! Не стану я больше иконы облизывать! – кричала в ответ благочестивая дева, прикрывшись на всякий случай балалайкой, – религиозные распри в семье могли дойти и до мордобоя.

Короче говоря, на одном из субботних собраний Анжелка познакомилась со своим будущим мужем – рослым чернобровым детиной, который то ли по своей дури, то ли по упрямству добивался руки нашей подруги целый год. Родители были и «за», и «против» – когда как, но в конце концов сдались и сбыли с рук благочестивую дочь свою. А еще через год у Анжелки с Михаилом родился сын Кузьма.

Теперь в семье Поликуткиных-Огурцовых снова все нормализовалось: Анжелины предки устроились работать в ту самую церковь, куда зашли совершенно случайно во времена их страсти к уринотерапии. Отец служил сторожем, мать – стояла за свечным ящиком. Кузьму сначала под сильным давлением Анжелкиных родителей окрестили в православном храме, а через неделю обратили в адвентистскую веру, прочитав над младенцем молитву на субботнем собрании. Компромисс был найден – все были довольны: и Нина Геннадьевна, и Иван Петрович, и Михаил Кузьмич, да и Анже-

ла, наконец, обрела покой. Жаль только самого Кузьму. Чем может обернуться ему это «двоеверие»? А вдруг он станет двоеженцем?..

19.00 – первое предложение моего гениального романа осталось только напечатать – оно окончательно созрело в моей голове. И стоило мне только прикоснуться к клавиатуре, как зазвонил телефон. На экран выпрыгнуло странное сочетание букв: «Ячсмитж тррр».

– Маня! Он, кажется, меня заразил! – вопила в трубку Ирки.

– Кто?

– Сантехник!

– Чем?

– Пока точно не знаю, но это что-то очень страшное и венерическое! Подонок! Свинья!

– Ты же утром была влюблена в него!

– Какая там любовь! Я не знаю, куда от него деваться, – он мне три раза позвонил за сегодняшний день!

– Почему ты думаешь, что он тебя заразил? Ведь прошло еще слишком мало времени! И потом, он... ты... Ну, в общем, вы что, не предохранялись?

– Нет, все произошло так быстро, так неожиданно, так страстно...

– Ну, ты и дура! – рассердилась я.

– Я-то при чем? Это он дурак – ходить без презервативов

в наше время! Он, наверное, закончил тот самый интернат, в котором сорок лет преподавала твоя бабушка.

– Сорок три, – уточнила я.

– Да какая разница! Я точно знаю, что больна! У меня всегда инкубационный период очень короткий, – воскликнула она и завыла мне в ухо.

– Ну а почему ты мне-то звонишь? – не выдержала я – этак никогда не начать романа!

– Ну а кому мне звонить? Ведь только ты знаешь о моем романе с сантехником, – пролепетала она, и мне стало жалко беспомощную и несчастную Икки.

– Как кому? Звони Пульке, только она способна тебе помочь!

– Мне неловко как-то, – замялась Икки.

– Да что тут неловкого-то? Как будто первый раз!

– Ну, ладно. Действительно, к кому ж мне еще обратиться за помощью! – решила она и повесила трубку.

Пулька, или Пульхерия Аполлинарьевна Дерюгина, была пятым членом нашей компании. Мы все ею безмерно гордились и частенько обращались к ней за помощью. Дело в том, что она была очень хорошим гинекологом-хирургом.

Наша гинекологиня носила столь странное, редкое имя (что для содружества было закономерностью) потому, что ее мать Вероника Адамовна и отец Аполлинарий Модестович – филологи, и оба специализируются на творчестве Николая Васильевича Гоголя. Именно на этой почве они когда-то и

познакомились.

Хорошо еще, что у них родилась девочка, а был бы мальчик, они непременно назвали бы его Акакием, что, на мой взгляд, вызывает малоприятные ассоциации у русскоязычного человека, несмотря на то что в переводе с греческого это имя означает «не делающий зла».

Дерюгины холили и лелеяли свою Пулечку, надеясь вырастить скромную, воспитанную, немногословную девушку, которая по окончании школы поступит на филфак и станет изучать творчество Николая Васильевича или, на худой конец, творчество одного из тех писателей, который однажды «вышел» из его «Шинели», и тем самым продолжит семейную династию литературоведов.

Однако Пулечка с детства привыкла делать все наперекор своим безмерно добрым и безропотным родителям, стоически сносившим все ее шалости. Кажется, она еще в детском саду наотрез отказалась продолжать семейную династию гоголеведов и уже в то время склонялась к профессии хирурга – она безжалостно и поначалу бессознательно мучила мух, комаров, отрывая им лапки и внимательно, с большим любопытством их разглядывая. Могла полдня сидеть в укрытии рядом со столовой и охотиться на полудохлую крысу, а, поймав, подбросить грызуна Анжелке в койку и с наслаждением слушать вопли подруги посреди тихого часа.

По мере взросления Пулька разбирала по частям насекомых уже отнюдь не бессознательно, а заглядывая в учебные

пособия. Но больше всего она поразила нас в одно хмурое летнее утро.

Нам было лет по двенадцать, и мы все тогда приехали отдохнуть на неделю к Пульке на дачу. Мы сидели втроем в застекленной беседке, полагая, что Пуля еще не проснулась, и вдруг Икки воскликнула:

– Смотрите, вон Пулька! – И она указала на чернеющую фигурку в тумане в противоположном конце сада. – Мы тут ее ждем, а она где-то шляется по ночам!

Наконец на пороге появилась Пулька, вся перемазанная болотной жижей, с полиэтиленовым пакетом в руке. В мешке кто-то шевелился.

– И где это ты была? – подозрительно спросила Анжелка, а Пуля опустила пакет на стол и принялась его медленно раскрывать. Мы все приблизились к мешку, и тут Анжелка неистово завизжала и кинулась прочь из беседки, крича во всю глотку: – Там жабы! Там жабы! Вот ненормальная! Девчонки, бегите оттуда, пока вас бородавками не обсыпало!

– Темнота! – презрительно фыркнула Пульхерия и снова закрыла пакет.

– Что ты с ними собираешься делать? – спросила я.

– Изучать.

– Как это?

– Я намерена выяснить, что у них внутри.

– Манька! Она их резать станет! – в ужасе воскликнула Икки.

– Ну и что же. Это ведь наука. А вы – темнота!

– И тебе их совсем не жалко? Ни капельки? – чуть не плача спросила Икки, но Пулька показала нам бритву с острым лезвием и с гордостью ответила:

– У отца стибрила.

В то лето Пулька занималась исключительно убийством лягушек – она, наверное, их с тысячу перерезала и все что-то записывала своим неразборчивым почерком в толстую обшую тетрадь.

По иронии судьбы она ненавидела русский язык и литературу, зато упивалась учебниками по анатомии и биологии, так что в пятом классе уже брала в библиотеке пособия для медицинских вузов.

Вероника Адамовна тихо переживала за дочь. Аполлинарий Модестович иногда закатывал сцены:

– Вы только взгляните, Вероника Адамовна, кого мы воспитали-с! Это же чудовище! Дочь филологов не прочла ни одной нормальной книги! Все только о сухожилиях и костях! Уверяю вас, Вероника Адамовна, у нас дочь – дура-с!

– Ну, фто вы, Аполлинаий Модестович, так нельзя! Пье-сто недопустимо в пьисутствии Пуленьки пьеизносить такие нецензуйные выажения! – обычно отвечала Вероника Адамовна. Пулькина мамаша не выговаривает всего две буквы – вместо «ш» она произносит «ф», а «р» вовсе пропускает, и от этого она всегда казалась мне ужасно интеллигентной. Я всегда мечтала услышать, как в ее произношении звучит сло-

во «ребенок», но Вероника Адамовна, настойчиво его избегала, заменяя на: «нафа девочка», «дитя», «чадо» или «малыфка».

– А я говорю, дура-с! – расходился отец, заложив руки за спину. – Кто написал «Вечера на хуторе близ Диканьки»? – экзаменовал он дочь.

– Леся Украинка, – уверенно отвечала Пулька.

– Кофмай! – лепетала Вероника Адамовна.

– Нет! Не Украинка! Сейчас, сейчас... – И мозг «малыфки» начинал судорожно перебирать всех авторов, о которых знал, и фамилии, которые могли бы логически подойти к вышеупомянутому названию. – Шевченко?

Вероника Адамовна едва заметно вертела головой, давая понять дочери, что та снова ошиблась.

– Ну, допустим, что ты не знаешь, кто написал бессмертный сборник повестей «На хуторе близ Диканьки», а кто, потвоему, написал «Палату № 6»?

– Так то еще и сборник был! – разочарованно говорила Пулька. – Так нечестно!

– Да, представь себе! Это повести, изданные пасечником Рудым Паньком!

– Ха, откуда ж мне знать какого-то Паньку?!

– Хорошо, идемте-с дальше, – теряя самообладание, продолжал отец. – Так кто написал «Палату № 6»?

– Блок?

– Позой-й! – шептала мать и снова отрицательно качала

головой.

– Маяковский? – спрашивала Пулька – у нее уже к середине экзаменации появлялся интерес, с какого раза она угадает автора.

– А «Леди Макбет Мценского уезда»?

– О! – выкрикивала Пулька, словно попала в самое яблочко. – Вот это я точно знаю! Шекспир!

– Она издевается над нами!

– Ну фто вы, Аполлинаий Модестович! Заубежную литеатуу Пулечка знает много лучше. Вы заметили, она почти угадала, только пеепутала немного, – пыталась успокоить своего благоверного Вероника Адамовна. – Ведь «Макбет» действительно написал Уильям Фекспий.

– Вот именно! «Макбет»! Но отнюдь не «Леди Макбет Мценского уезда»! Ступай прочь и не попадайся мне сегодня на глаза! – в сердцах кричал Аполлинарий Модестович.

– Простите, пожалуйста, но не всем же быть гоголеведами! – возмущалась Пулька и уходила к себе в комнату изучать строение мускулатуры, соединительные ткани и кости человеческого скелета.

Несмотря на периодические взрывы отца по поводу невежества Пульки, на некоторые странности в характерах ее родителей и самого уклада жизни, это была счастливая, благополучная семья, где царили не «православные отношения», как в семейке Анжелы, а «высокие».

Пулькины предки называли друг друга по имени-отчеству

и на «вы», они никогда не ругались между собой: Вероника Адамовна смиренно относилась к несколько взрывному характеру мужа, а тот, в свою очередь, сносил кислый творог на завтрак и протертую свеклу на обед. Ужин в доме Дерюгиных был не предусмотрен.

Всякий раз, когда я бываю у Пульки дома, мне кажется, что я попадаю в библиотеку: еще в коридоре начинаются стеллажи с книгами и тянутся в две прямо противоположные стороны – в кухню и большую комнату. Потолки у Дерюгиных высокие, потому что они живут в сталинском доме. И с пола до потолка – книги, книги, книги.

В комнате, где обитают родители и которую Вероника Адамовна упорно называет гостиной, стоят два стола с портативными печатными машинками, широкая кровать, игровой стол, который всегда почему-то напоминал мне козла из нашего физкультурного зала, приземистый мощный комод, который Вероника Адамовна отчего-то называет креденцей, и повсюду горы исписанной бумаги.

Вероника Адамовна вечно ходит по дому бесшумными шагами, в длинном (до полу) платье с глухим воротом по моде конца позапрошлого века и носит очки на веревочке, издали очень напоминающие пенсне. Волосы ее всегда зачесаны назад, как у классной дамы, и завязаны в жиденький хвостик, очень похожий на пороссячий.

Аполлинарий Модестович расхаживает по квартире обычно в стеганом атласном халате и восточных кожаных та-

почках с длинными мысами. Одним словом, настоящая профессорская семья.

Сколько я помню Пулькиных родителей, они постоянно строчили статьи и даже книги о жизни и творчестве Николая Васильевича Гоголя, а особое внимание уделяли его странностям. К примеру, отчего великий писатель придавал такое большое значение сапогам? Отчего почти в каждом своем произведении он о них упоминал? Только в «Невском проспекте» автор описывает оную обувь целых пять раз: и неуклюжий грязный сапог отставного солдата, и сапоги, запачканные известью, которые и в Екатерининском канале не отмыть, известном в те времена своей чистотой, и другие сапоги!

Загадки, одни загадки! Ну зачем он ночью ходил на кладбище и в анатомический театр (Дерюгины лет десять назад нашли подтверждающую этот факт записку, написанную рукой самого Гоголя)?

И почему Николай Васильевич так толком ни разу и не описал ни одной красивой живой женщины, однако с наслаждением и упоением изобразил помершую панночку в «Вие».

А по какой причине он сторонился собратьев по перу и, прикрывая лицо черным плащом, старался остаться незамеченным?..

И эта его ужасная смерть, а потом и перезахоронение и расцарапанная в диком ужасе крышка гроба никак не давали

покоя супругам-гоголеведам.

Дерюгины часто уезжали из Москвы в поисках какой-то, где-то и кем-то найденной личной вещи сочинителя или случайно обнаруженного клочка бумаги с его текстом.

Но, как говорится, в семье не без урода. И этим уродом, который наотрез отказался продолжать дело родителей, была, конечно же, Пулька. Стать врачом она решила еще в раннем детстве, но вот только каким? Этот сложный вопрос ей помогла решить ее собственная беременность.

Забеременела она совершенно неожиданно, после школьного выпускного вечера от парня из параллельного класса. Надо заметить, что Пульхерия не относилась к собственной невинности как к чему-то драгоценному, в отличие от Анжелки, которая ломалась целый год, так что в конце концов рослому чернобровому детине пришлось на ней жениться.

И так как за свою короткую жизнь Пульхерия прочла гору медицинской литературы, через месяц она заподозрила неладное и отправилась в нашу районную женскую консультацию.

Врач Угряшкина сразу не понравилась Пульхерии – у гинекологини были очень грязные волосы, как будто намазанные жиром, утиный нос и прыщавое лицо. Она осмотрела Пульку и сказала, что у нее все в порядке и нет поводов для беспокойства.

– Задержка – обычное дело в твоем возрасте, – аргументировала она заключение.

Через три недели Пульку потянуло на соленькое, и начался страшный токсикоз – она останавливалась чуть ли не у каждой урны и снова заявлялась к Угряшкиной.

– Дайте мне направление на аборт. Я без вас знаю, что беременна.

Угряшкина сделала Пульке УЗИ и даже не стала уговаривать оставить ребенка.

Пуля уже лежала, задрав ноги, в операционной, и только медсестра успела ей сделать укол, как подошел доктор и заявил:

– Я не буду ей ничего делать. У нее слишком большой срок, и она слишком молода.

Но Пульке повезло – наркоз уже был введен, и врачу ничего не оставалось, как сделать свое дело.

После всего произошедшего Пульхерия решила навестить свою участковую гинекологиню. Она выстояла очередь и зашла в кабинет. Угряшкина с любопытством смотрела на Пулькину сумку в ожидании подарка, но вместо этого моя подруга сказала:

– Благодаря вам я решила, наконец, кем буду.

Угряшкина зарделась от удовольствия.

– Я стану гинекологом. По крайней мере, смогу сама себе вовремя сделать аборт.

– Но ты ни при каких обстоятельствах не сможешь этого сделать! – воскликнула Угряшкина.

– Это вы ничего не можете, а я все смогу. Таких, как вы,

нужно поганой метлой из медицины гнать! – выпалила Пульхерия и вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

Так наша подруга стала хирургом-гинекологом.

У Пульки в сталинской квартире с высокими потолками была своя комната, раза в два меньше гостиной, ее Вероника Адамовна неизменно называла спальней. Когда я захожу в эту так называемую спальню, у меня складывается впечатление, что я переступаю порог совершенно другой квартиры. Даже нет, не квартиры, а будто попадаю в больницу или медицинскую лабораторию. Уже много времени прошло с тех пор, как Пулька вышвырнула из своей комнаты все художественные книги, и теперь вместо них на полках красовались банки с заспиртованными чудовищами. Пульхерия очень ими гордилась и каждый раз показывала мне новый экземпляр пополнившейся коллекции. Иногда ей доставляет удовольствие проводить своеобразную экскурсию по полкам:

– Это вот, смотри, фолликулярная киста, маленькая. Они вообще не бывают большими – с куриное яйцо. Она принадлежала девушке... Кажется, ее звали Наташа и ей было 22 года.

– Почему звали? Почему было 22 года? Она что, умерла у тебя под ножом? – спрашивала я.

– Что за глупости?! Просто когда я ее оперировала, ей было 22 года.

– А это что? – интересовалась я, глядя на огромного, от-

вратительного мутанта в большом круглом аквариуме.

– А это я на прошлой неделе удалила муцинозную кисту одной художнице. На самом деле это еще не самый большой экземпляр. Порой они достигают тринадцати килограммов. Внутри была жидкость. А вот, да нагнись ты! Видишь, у этой есть даже зубы, а вон с той стороны и волосы растут! – с восторгом восклицала Пулька.

– Фу! И как ты только можешь этим заниматься всю свою жизнь? – На самом деле я всегда этому удивлялась.

– Я люблю свою работу и отношусь к ней серьезно. Мне интересно.

– Слушай, а кто тебе разрешает таскать всю эту гадость домой?

– Ты имеешь в виду моих гоголеведов?

– Нет, в больнице.

– Ха! Уметь надо! Я сама заместитель заведующего гинекологическим отделением, а с ним, ты сама знаешь, у меня очень даже близкие отношения.

Вообще-то в детстве Пульхерия была неказистой, худенькой девочкой с блеклым русым хвостиком. Но зато сейчас она просто помешалась на своей внешности и действительно выглядела потрясающе.

Все началось с самой простой пластической операции по исправлению ее торчащих ушей... Потом она увеличила себе грудь на два размера, перекрасила волосы в естественный золотистый цвет, научилась умело накладывать макияж,

скрывая природные недостатки, и всерьез подумывала выпрямить ноги. Если б я не общалась с ней все эти годы и случайно увидела на улице, то прошла бы мимо. Она была совсем не похожа на ту Пульку, которая в хмурое летнее утро явилась в беседку с лягушками в мешке вся перемазанная болотной жижей.

А теперь вокруг нее вечно вьются какие-то рентгенологи, кардиологи, травматологи... У нее не бывает недостатка в мужчинах. Только Пулька никогда в жизни никого не любила и, как она говорит, не полюбит, потому что даже самый совершенный мужчина недостоин последней подзаборной женщины-пропойцы. Может, она и права. Уж кому, как не Пулке, это лучше знать!

Д-зззззз-дз-дз! Снова проклятый телефон!

– Манечка, здравствуй, деточка! Мы с тобой сегодня еще не разговаривали?

– Разговаривали, бабушка, три раза разговаривали! – в отчаянии воскликнула я, нервно поглядывая на экран ноутбука. Там было написано: «Ячсмитж тррр». И это все, что я смогла сегодня написать.

– Вы завтра ко мне собираетесь?

– В пятницу. Бабушка, у тебя день рождения в пятницу.

– Купите мне по дороге «Орбит».

– Чего-чего тебе купить?

– «Орбит» – это самая лучшая защита от кариеса.

– Но у тебя же нет ни одного зуба!

- Он еще улучшает пищеварение. Кстати, я дописала свой роман.
- А я еще не начала! – почти закричала я.
- Ты его обязательно забереешь, подправишь там кое-что и издашь. – Она совершенно меня не слушала.
- Угу.
- Что значит «угу»?! Хороший, большой роман-эпопея.
- Насколько большой? – поинтересовалась я.
- Сейчас скажу, – она закричала в трубку, – целая тетрадка.
- Общая?
- Кто общий?
- Сколько страниц?
- Сколько-сколько! Говорю тебе – эпопея. Разве эпопея может быть маленькой? Тетрадка за две копейки в линейку. Хотя нет, постой, тут у меня сзади еще что-то написано... Купить: сгущенки, колбасы докторской, молока. Телефон Олимпиады Ефремовны 222..., телефон, куда звонить во время пожара, телефон сына, молитва... А в скобках написано... Подожди, тут еще что-то в скобках. А! Молитва, а в скобках написано: «очень хорошо помогает, если я снова потеряю очки». Потом вот что, послушай-ка:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья —
В Россию можно только верить,

– прочитала бабушка с выражением, а последнюю строку произнесла уж совсем до неприличия патетично. – Ну, как тебе? Сама сочинила! – похвасталась она. – Намедни бессонница мучила, вот и придумала. Понравилось?

– Очень. Мне всегда нравилось это стихотворение Тютчева.

– Кого-кого?

– Федора Ивановича Тютчева.

– Да? А разве это не я его сочинила? Странно.

– Ну, где роман-то?

– Да сейчас найду, что ты, ей-богу! Вот он! С другой стороны тетрадки. Раз, два, три... Три! Три странички!

– Эпопея в три странички?!

– А что? Мал золотник, да дорог! – прокричала бабушка и бросила трубку.

Нет, завтра уж точно отключу телефон и напишу наконец первое предложение, а потом все как по маслу пойдет.

Хотя нет – отключать телефон нельзя ни в коем случае! Вдруг позвонит Любочка из редакции, а вдруг сам Кронский, хотя это маловероятно, но Любочка вполне может позвонить и попросить меня приехать что-нибудь подписать. А там я снова могу увидеть героя моего романа.

Я категорически отказалась от мысли отключить телефон – ведь я решила мозолить Кронскому глаза до тех пор, пока он в конце концов не поймет, что я – его судьба. А телефон

– это моя единственная связь с внешним миром.

02.00. Думаю о том, как все-таки хорошо, что я не стала жертвой убеждений и интересов собственных родителей и что меня зовут вполне нормальным именем – «просто Мария», что меня можно называть и Марья, и Мариша, и Маня, и Машенька, и Манюня, и... короче, по-разному. Помню, в школе меня все дразнили Коротом из-за фамилии – Коротникова, Икки – Икотой, Пульхерию – Херей, а Анжелку или Огурцом или Насисьником, потому что как раз в то время была мода на бюстгальтеры «Анжелика». Хорошо хоть меня – одну-единственную из нашей компании – назвали в честь прабабушки. И слава богу, что прабабушку звали не Транквиллина, Акклипиодота или, того хуже, Яздундокта.

Ну до чего же не хочется залезать в эту омерзительную кровать и моргать в темноте до утра! Но ничего не поделаешь – натягиваю пижаму и ныряю под одеяло.

До пяти часов придется снова наткаться на бетонные стены, мучительно разыскивая среди бесполезных входов в лабиринт сна единственный нужный.

* * *

И все-таки у меня ужасно развита интуиция! Я как знала, что мне позвонит Любочка, и хорошо, что не отключила телефон.

Она позвонила мне вчера и попросила приехать, взять ав-

торские экземпляры книг, и сама же проговорила о герое моего романа.

– Приезжай на этой неделе, – сказала она, – а то в понедельник днем в редакции будет полно народу, к тому же Кронский должен заехать к двум часам, и эти твои книжки занимают столько места... Я все время о них спотыкаюсь!

– Ой! Я никак, ну просто никак не могу на этой неделе! У меня все расписано. Сейчас посмотрю в дневнике, есть ли окошко. – Я выдержала паузу, будто смотрю в дневник, которого у меня отродясь не было, и ответила: – Представляешь, как назло, у меня единственный свободный день – понедельник. Я быстренько. Только заберу и сразу уеду. Даже никто не заметит моего присутствия.

– Все понятно, – после минутного молчания сурово сказала Любочка, – ты влюбилась в Кронского.

– Господи, глупости какие! Как тебе это могло прийти в голову?!

– Ладно, в понедельник так в понедельник, только знай – этот твой Кронский – еще тот ходок! – Особенно смачно Любочка произнесла слово «ходок» – Да, и вот еще что... У меня к тебе разговор.

– Что за разговор?

– Ты читала «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг?

И она пристает ко мне с этим «Дневником»! Да что ж за напасть-то! Что в нем такого особенного? Или я пишу хуже этой Филдинг?

– Короче, если не читала, прочти и попробуй написать нечто подобное, только героиня, естественно, должна быть русской девушкой и вообще все должно происходить не где-нибудь там, а у нас, в Москве.

«Вот бред-то! Я еще должна кому-то подражать!» – подумала я, но сказала:

– Я попробую, но только после того, как допишу роман.

– Который еще не начинала? – ехидно спросила она. – И все-таки подумай о том, что я тебе сказала, а в понедельник я тебя жду.

Сегодня четверг, и у меня появился повод оторваться от компьютера хотя бы на один вечер и встретиться с подругами. Все утро я нервно курила, придумывая первое предложение романа. И... Эврика! Я придумала целую кучу предложений, которые моментально складывались в абзацы, пока не оборвались в конце главы! Это, наверное, на меня так подействовал вчерашний Любочкин звонок, но иначе! Вот оно, начало моего будущего романа:

«Впервые я увидел ее за столиком открытого летнего кафе на Арбате. Я, как обычно, возвращался вечером с работы, и вдруг она – прекрасная незнакомка в строгом синем костюме и шляпе с огромными полями. В одной руке она держала чашечку кофе, пикантно отведя мизинец, в другой тлела длинная дамская сигарета.

Я человек забитый, необщительный и неразговорчивый, а на женщин, особенно на ровесниц, не обращаю ни малейшего

внимания. Но тогда, в тот роковой вечер, на закате, кровью с молоком разлившемуся по небу, я замер, увидев эту женщину, – мне показалось, что она сошла с небес специально для меня. Я, не задумываясь, сел за столик напротив и пристально, неприлично долго разглядывал ее.

Она явно была старше меня. Скажу даже больше, это была женщина бальзаковского возраста, и у меня не было никаких шансов познакомиться с ней – она попросту не стала бы разговаривать с таким, как я, – мне ведь всего 22 года, и я не слишком красив.

Она приворожила меня тогда, в тот день, когда Арбат залился кроваво-молочным закатом, и я, как слепец, последовал за ней, словно за поводырем.

Так мы дошли до серого шестиэтажного дома...»

Этот роман совершенно не должен быть похожим на все предыдущие. Идею мне подкинул Женька. Однажды он сказал мне:

– Вечно ты пишешь про женскую любовь! А ты возьми и напиши про такого же забитого типа, как я.

– Не поняла, я что, должна написать о любви мужчины к мужчине?

– Не вижу в этом ничего предвосудительного, хотя если это тебя так смущает, можешь написать от лица мужчины про его любовь к женщине.

Эта идея показалась мне интересной – по крайней мере, необычной. Ну сколько можно писать о разбитых девичьих

сердцах и о неизвестно откуда свалившемся женском счастье!

Я придумала сюжет довольно быстро. Прототипом главного героя был мой друг Женька, а работал он аптекарем, как Икки. Мне показалось, это идеальный прием для изображения закомплексованного, робкого юноши. Во всяком случае, этой «чистенькой, женской» профессией и объясняется ненависть главного героя к женщинам и его нерешительность перед незнакомкой бальзаковского возраста.

Когда Икки училась в фармацевтическом техникуме, в ее группе учились два мальчика. Они держались всегда вместе, несмотря на то что между ними не было ничего общего. Один – тупой, толстый двоечник с вечно красной физиономией, другой – хитрый, маленький, умный и худой. Для каждого из них было трагедией, если другой заболел.

Девчонки настолько привыкли к ним, что вскоре вовсе перестали их замечать, примеряя кофточки, юбки и лифчики в присутствии мальчишек, а когда было нечего делать, будущие аптекарши от души издевались над своими коллегами-аптекарями. После подобного трехгодичного общения с «девочками», вероятно, у этих юношей был надолго отбит какой-либо интерес к прекрасному полу.

Мой герой переполнен неистовой ненавистью ко всем подряд женщинам, иногда пользуется услугами девушек легкого поведения – и вдруг случайно видит женщину за столиком летнего кафе и тут же влюбляется в нее. Это как наваждение.

Героиня же в два раза старше влюбленного, одержимого юноши, у нее дочь старше него, ну и так далее.

В конце концов (ближе к середине романа) он все-таки овладевает ею, но финал трагичный: аптекарь убивает возлюбленную из ревности. Убивает красиво, в кровати, ножом, едва только первые лучи солнца озарят спящую землю. Надеюсь, не будет повести печальнее на свете, чем повесть об убийстве на рассвете...

Но время! Время! Оно неумолимо! Пора одеваться и дуть к Икки в аптеку. Мы вчера договорились, что я зайду за ней в четыре, чтобы выцарапать из лап женщины с монголоидной физиономией и черными злыми глазами, девизом которой было модное недавно словечко: «Легко!»

Я с удовольствием выключила компьютер и посмотрела на себя в зеркало. Кошмар! Голову нужно немедленно мыть. Черт! Мой ноготь! Мой бедный ноготок сломался от усердной работы на клавиатуре, значит, нужно еще успеть сделать маникюр!

Что там у нас на улице? Я высунула нос в форточку – холодно. В чем идти? Колготки! Где мои новые колготы?! Перерыла все ящики – нигде нет.

Боже мой! За что браться? Ничего не успеваю! Икки загрызет меня, если я опоздаю, – не очень-то приятно стоять за прилавком лишнее время.

Надо сосредоточиться, иначе я вообще сегодня не выйду из дома. Вымыть голову, найти колготы, сделать маникюр.

Накраситься, одеться. Или наоборот. Как получится.

15.30 – голову вымыла, колготки не нашла, сушу ногти. Ну почему? Почему у меня всегда одна и та же реакция организма на лак для ногтей – стоит мне наложить второй слой, как срабатывает диуретический эффект, будто я напилась мочегонных таблеток. Снимаю штаны и смазываю о них весь лак! Так было всегда, так получилось и сейчас.

15.50. Катастрофа! В доме воняет ацетоном (лак пришлось стереть), колготы не нашла, волосы недосушила. В лихорадке натягиваю джинсы, свитер, пиджак и в мыле вылетаю на улицу. Прохожие смотрят на меня как-то подозрительно. Я, наверное, похожа на чучело. Или мне просто показалось, что на меня подозрительно смотрят? Может, наоборот, окружающие любят меня?

Неожиданно замечаю на светлом бежевом свитере на самой груди огромное фиолетовое пятно. Откуда оно могло тут взяться? Вспомнила – я поставила его месяц назад, когда ела вишню, увлеченно читая один из детективов великого Кронского.

У меня только одно желание – вернуться домой и переодеться, но время поджидает. Я иду по улице так, будто страдаю дрожательным параличом, пытаюсь спрятать фиолетовое пятно под пиджаком.

Опять я буду выглядеть как идиотка – лохматая, со следами лака на ногтях и с фиолетовым пятном на самой груди, в то время как Пульхерия приедет расфуфыренная, на-

крашенная, безукоризненная. Анжелка скромно («по-адвентистски» или «по-православному» – теперь не понять) одетая. Икки тоже всегда тщательно одевается перед тем, как выйти на улицу. А меня как будто на время выпустили погулять из того самого интерната, в котором моя бабушка проработала сорок три года. В прошлый раз, например, я нацепила разные туфли и заметила это только в метро – возвращаться домой, как всегда, было уже поздно, и я весь вечер наступала себе на ноги, чтобы не слишком была видна разница – благо туфли были одного цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.